

СУДЗУКИ ТАНТАРО

ДЗЕН И ФЕХТОВАНИЕ

*Не мы идем по Пути,
но путь идет через нас*

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

«Меч — душа самурая». Где самурай, там и его меч, Самурай, если он хочет быть верным призванию, прежде всего, должен спросить себя — «Как вырваться за пределы рождения и смерти, чтобы в любое мгновение, нужное господину, я мог отказаться от жизни». То есть встать под удар вражеского меча и направить против него свой меч. Так меч становится неотъемлемой частью жизни самурая, символом его верности и самопожертвования. Тому является примером благоговение, которое испытывает самурай по отношению к мечу.

Меч самурая несет двойную службу: сокращает все, что противостоит воле владельца и жертвует всем, что исходит из инстинкта самосохранения. При этом один самурай связывает себя с духом патриотизма, иногда воинственности, другой с религиозным чувством верности и самопожертвования. В первом случае меч обычно становится оружием разрушения всего чистого и простого, смыслом силы, — иногда дьявольской силы. Поэтому контролировать и освящать меч должно его второе назначение. Добросовестный владлец меча всегда знает эту истину и тогда дух зла подвергается уничтожению, а меч отождествляется с разрушением того, что стоит на пути к миру, справедливости и человечности. Он защищает все, что стоит на пути к духовному процветанию целого мира. Тогда это воплощение жизни, а не смерти.

Дзен говорит о мече жизни и мече смерти, и дзенский мастер должен знать, когда и как владеть любым из них. Бодхисаттва Манджушри несет в правой руке меч, а в левой — сутру. Это напоминает пророка Магомета, но священный меч Манджушри не убивает ни одно живое существо, а только наши собственные жадность, гнев, безрассудство. Меч направлен на себя, тогда как внешний мир, являющийся отражением внутреннего, тоже освобождается от жадности, гнева и глупости. Акала (Фудо Мео) тоже несет меч и уничтожает всех врагов, которые противостоят практике буддийской добродетели. Манджушри — положительный персонаж, Акала — отрицательный. Гнев Акалы пылает, как пламя, и оно не угаснет, пока не сгорит последний лагерь врага, Тогда Акала вернется к своим изначальным качествам Вайрочаны Будды, чьим слугой и проявлением он является. Вайрочана не держит меча, он сам и есть меч, сидящий одиноко со всеми мирами в себе. В нижеследующем мондо «один меч» обозначает именно такой меч.

Полководец, Кусуноки Масасигэ (1294-1336) пришел в дзенский монастырь Хего перед сражением в Минатогава с превосходящими

силами Асикага Такаудзи (1305-1358) и спросил учителя: «Вот человек стоит на распутье между жизнью и смертью. Как ему себя вести?»

«Пресеки свою двойственность и пусть «один меч» сам стоит спокойно против неба!» (Буквально: «Отруби две головы и пусть один меч будет безучастно уставлен против неба!») — так ответил дзенский мастер. Этот абсолютный «один меч» не есть меч жизни или смерти — это меч, из которого исходит этот мир двойственности и в котором все двойственности обладают своим бытием. Это сам Вайрочана Будда. Держа его, вы узнаете, как вести себя там, где расходятся пути,

Здесь меч олицетворяет силу интуитивной или инстинктивной прямоты, которая в отличие от интеллекта не раздваивается, блокируя свой собственный отход. Шагать нужно вперед, не оглядываясь, не озираясь по сторонам. Это как секущий нож Чжуан-Цзы, который разрубает узлы так, будто они ждут, когда их разделят. Чжуан-Цзы сказал бы: «Сочленения разделяются сами собой, а нож, даже после многолетнего использования, так же остр, как и в тот день, когда вышел из рук точильщика». Единый Меч Реальности никогда не изнашивается, разрушая бесчисленные жертвы эгоизма.

Этот меч также отражается и в религии Синто. Однако в ней он не достиг столь высокого духовного смысла, как в буддизме. В синтоизме еще чувствуется его натуралистическое происхождение. Это еще не символ, а объект, наделенный чудесной силой. В феодальной Японии класс самураев лелеял подобные мысли о мече, и с той поры трудно определить, что же действительно было у них на уме. По крайней мере, к мечу питалось крайнее уважение. Когда самурай умирал, меч клался рядом с его ложем, а когда рождался младенец, меч должен был находиться в этой комнате. Наверное, при этом преследовалась идея отпугнуть злых духов, дабы они не смогли помешать приходу или отходу духа рожденного или умирающего. Это пережиток анимистического мышления. Идею священного меча можно интерпретировать и таким образом.

Достоинно внимания то, что, делая меч, кузнец-оружейник зывал к помощи бога-хранителя. Чтобы призвать его к себе в мастерскую, кузнец окружал ее священными веревками, которые должны были изгнать злых духов. Сам он совершал ритуальное омовение и надевал церемониальные одежды, в которых работал. Ударяя по куску железа и погружая его то в огонь, то в воду, кузнец и его помощник пребывали в экстатическом состоянии духа. Уверенные, что им помогает Бог, они до предела напрягали все свои силы: физические, умственные, духовные. Так создавался меч — истинное произведение искусства.

Японский меч должен вызывать что-то, глубоко созвучное душе человека. И действительно, смотря на него, мы видим не только оружие, но и нечто воодушевляющее. Вот легенда об оружейнике Окадзак

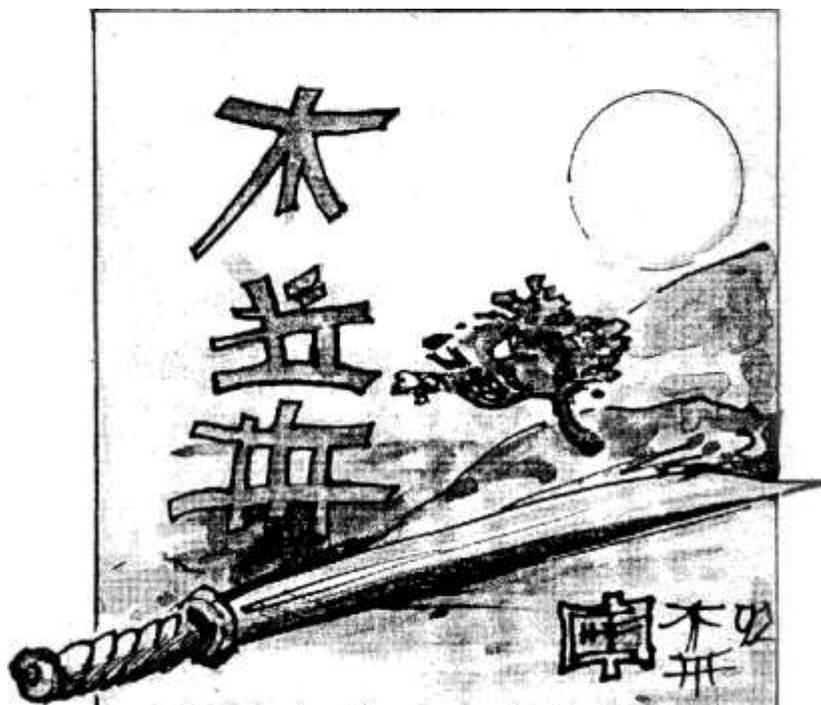
Масамунэ и его меч:

Расцвет мастерства Масамунэ приходится на конец эпохи Камакура, и его мечи единогласно признаны всеми знатоками. Что касается остроты клинка, то в этом Масамунэ не мог превзойти Мурамасы, одного из способнейших своих учеников. От мечей Масамунэ исходило нечто воодушевляющее, та духовная сила, которой обладал сам мастер. Приводим текст легенды: «Чтобы испробовать остроту меча Мурамасы, кто-то опустил клинок в поток воды. Опавшие листья, плывущие по течению, столкнувшись с лезвием, разделились надвое. Тогда этот человек опустил в воду меч Масамунэ и поразился — все листья миновали клинок». Меч Масамунэ не был склонен к убийству, это был не просто режущий инструмент, тогда как меч Мурамасы мог только резать и не больше. В нем не было божественной одухотворенности. Мурамаса бездуховен, Масамунэ человекен. Один одеспотичен и воинственен, другой — сверхчеловечен. Масамунэ почти никогда не гравировал свое имя на рукояти меча, как это было принято у всех кузнецов.

Пьеса театра Но «Кокадзи» дает нам представление о значении меча в морали и религии японцев. Пьеса была написана в эпоху Асикага. Император Итидзе (годы правления 986-1011) однажды заказал меч Кокадзи Мунэтика — величайшему мастеру своего времени. Мунэтика был очень польщен заказом, но не мог его исполнить, пока не нашел помощника, равного себе в мастерстве. Он молился своему богу-хранителю Инари, чтобы тот послал ему такого помощника. Тем временем, по традиции, он готовил священную площадку. Когда очищение завершилось, он произнес молитву: «Не для прославления своего намерен свершить работу, но во исполнение высочайшего повеления императора, властелина внутреннего мира. Я молю всех богов, число коих подобно песчинкам в Ганге, прийти и помочь смиренному Мунэтика, который приложит все свои силы, чтобы создать меч, достойный августейшего повелителя. Глядя в небо и простираясь по земле, он подносит богам пура (или го-хэн — подвешенные перерезанные бумажки, которые символически предлагаются богам Синто), символ его серьезнейшего намерения успешно выполнить работу. Да будут боги милосердны к его искренности!» И вот раздается глас: «Молись, молись, о Мунэтика, со всем смирением и всей серьезностью. Пришло время ковать. Доверься богам, и работа будет исполнена». Чудесный образ возник перед ним и помог ему ковать сталь. Меч вышел из кузницы в должный час, обладая всеми признаками совершенства. Император был доволен мечом, который хранился с достоинством священного предмета.

Если при создании меча используется божественное начало, то тот, кто владеет мечом или пользуется им, также должен обладать

духовностью, а не жестокостью. Его ум должен быть единым с душой, которая оживляет холодную сталь. Великие создатели мечей никогда не пытались вселить в умы учеников чувство жестокости. Когда японцы говорят, что меч — душа самурая, мы должны иметь в виду все, что сопутствует этому, о чем я говорил выше. Верность, самопожертвование, почтительность, благожелательность и возвышенные чувства — вот истинный самурай.

ГЛАВА 2

Для самурая, который постоянно носил два меча — один длинный для нападения и защиты, а другой короткий — для самоубийства в случае необходимости, было естественно упражняться в искусстве фехтования с величайшим усердием. Самурай неотделим от оружия, — главного символа его звания и достоинства. Помимо овладения навыками практического пользования оружием, тренировка самурая была связана с моральным и духовным совершенствованием. Хотя раньше я уже останавливался на связи меча с дзен, однако сейчас хотел бы более подробно осветить этот вопрос с помощью письма Такуана¹ к Дзягю Тадзима-но-ками (1571-1646) из Мунэнори² относительно связи искусства фехтования с дзен.

Поскольку письмо это длинное и местами повторяется, я кое-что здесь опустил или пересказал; стараюсь сохранить наиболее важные мысли оригинала, а иногда вставляя объяснения и замечания.

Этот документ значителен со многих точек зрения. Он затрагивает и сущность умения дзен, и секреты вообще всякого искусства. В Японии, а, возможно, и в других странах, знание технологии искусства еще не делает человека подлинным мастером-художником; для этого он должен глубоко проникнуться духом искусства. Дух может быть усвоен лишь тогда, когда ум пребывает в полной гармонии с чем-либо и с самой жизнью, т.е. когда мастер достигает определенного состояния ума, называемого мусин — «не-ум» (по-китайски ву-син). В буддийской терминологии это означает выйти из двойственности всех форм жизни и смерти, добра и зла, бытия и не-бытия. Вот здесь все искусства сливаются с дзен. В этом письме великому фехтовальщику Такуан особенно выделяет смысл мусин, который можно рассматривать в связи с концепцией бессознательного. Говоря языком психологии, в этом состоянии ум полностью отдается некой неизвестной силе приходящей к нему ниоткуда, и оказывается достаточно мощным, овладевая всем полем сознания, заставляя его работать на неизвестное. Ум начинает работать автоматически (без контроля «Я», мое примечание), по крайней мере, в плане сознания. Но, как объясняет Такуан, это состояние не следует путать с беспомощной пассивностью неодоушевленной вещи. Человек «бессознательно сознателен» или «сознательно бессознателен». С этими предварительными замечаниями нижеследующее послание Такуана будет понятнее.

1. Такуан (1573-1645), знаменитый дзенский мастер, был настоятелем Дайто-кудзи в Киото. Третий сегун Токугава Изэмицу пригласил его в Токио, где выстроил большой храм Токайдзи и поставил его во главе храма.

2. Принадлежал к знаменитому роду фехтовальщиков, процветавшему в начале эпохи Токугава. Тадзима-но-ками был учителем Изэмицу и изучал дзен под руководством Такуана.

ПИСЬМО ТАКУАНА ДЗЯГЮ ТАДЗИМА-НО-КАМИ МУНЭНОРИ О ТАИНЕ НЕДВИЖИМОЙ ПРАДЖНИ

Аффекты, сопутствующие стадии пребывающего неведения.³

«Неведение» (Авидья) — значит отсутствие просветления или пребывание в заблуждении. «Пребывающая стадия» означает момент (точку), где ум останавливается и не пребывает в объектах. В Буддизме говорится о 52 стадиях, из которых одна — состояние, где ум не привязывается ни к одному из объектов, с которыми встречается. Эта привязанность (прилипчивость) называется «томару» — «остановка» или «пребывание». Ум останавливается на одном объекте вместо того, чтобы плавно перетекать от объекта к объекту, как это свойственно его природе.

Взять, к примеру, фехтование: когда противник хочет вас ударить, ваши глаза сразу ловят движение его меча, и вы пытаетесь следовать за этим движением. Но, как только вы это делаете, вы себе уже не хозяин, и, будьте уверены, вас достигнет удар. Это называется «останавливание». (Но есть и иной способ встретить меч противника).

Вы, конечно, видите, как меч стремится нанести удар, но не позволяете уму «остановиться» на этом. Не думайте отвечать атакой на угрожающее движение противника, не лелейте никаких преднамеренных мыслей. Просто воспринимайте движение противника, не фиксируя ум на этом, двигайтесь навстречу противнику таким, каким вы являетесь, как всегда. Этим вы направите его нападение против него самого. Тогда его смертоносный меч станет вашим и падет на голову вашего противника.

В дзен это называется «перехватить копьё и нанести им смертельный удар». Идея такова, что меч противника, попав в ваши руки, становится орудием его собственного уничтожения. Это уже «не-меч». Как только ум останавливается на объекте любой природы, будь то меч противника или ваш меч, так сразу же вы перестаете владеть собой. В такой ситуации объект владеет вами, и вы наверняка падете жертвой меча противника. Не должно быть противопоставления субъекта и объекта. Не беспокойтесь за свою безопасность.

Для начинающих неплохо сосредоточить свой ум на самодисциплине. Важно, чтобы ваше внимание не стало пленником чужого меча или оценки движений. Когда ваш ум пленен мечом, вы становитесь

³ Буддизм Махаяны выделяет 52 ступени, ведущие в состояние высшего просветления (Самбодхи). «Неведение» (авидья) можно рассматривать, как первую из этих ступеней, и аффекты (клеши) — это омраченные страсти, которые сопровождают пребывающих на этой ступени. По-японски «неведение» — муме, «аффекты» — бенно. Муме может переводиться как омраченность, бен-но — как заблуждение и страдание. Аффект (лат.) — психологический термин, означает волнение, страсть и нервно-психическое возбуждение с утратой волевого контроля, невладение собой.

собственным пленником. Ум, плененный чем-то внешним, теряет свое мастерство. Я думаю, вам все это прекрасно известно, но я только хочу обратить на это внимание с дзенской точки зрения. В буддизме «останавливание ума» называется заблуждением, отсюда и «аффекты», сопутствующие пребывающему состоянию «неведения».

Не путайте «бессознательное» фехтовальщика и «бессознательное» в психологии. Первое свободно от «знания» о себе. Достигая совершенства, фехтовальщик не обращает никакого внимания на личность врага или на себя. Он безразличный наблюдатель фатальной драмы жизни и смерти, в которой, однако, принимает самое активное участие. Несмотря на отношение к происходящему, которое у него есть или должно быть, он превыше себя, он выходит за рамки двойственного обоснования события, но при этом он не избегает его.

В искусстве фехтования, где принцип противостояния очевиден, заинтересованному лицу следует освободиться от заинтересованности, отбросить двойственное мышление.

НЕДВИЖИМАЯ ПРАДЖНЯ.

Праджней обладают все будды и все живые существа. Это трансцендентальная мудрость, текущая через относительность всех объектов, и при этом она остается недвижимой. Эта неподвижность не похожа на неподвижность камня или деревянного чурбана. Подобная неподвижность является самим умом, наделенным бесконечной подвижностью; он движется вперед и назад, влево и вправо, в каждую из десяти сторон и не знает никаких препятствий ни в каком направлении.

Есть у буддистов бог, называемый Фудо Мео (Акала-видья-раджа) — Недвижимый. Его изображают держащим меч в правой руке и веревку в левой. Зубы его оскалены, а глаза зло сверкают. Его грозная позиция говорит о готовности уничтожить все злые силы, вредящие буддийскому учению. Хотя он изображен в реалистической форме, его нет нигде на земле. Он — символический защитник буддизма, по сути своей воплощение недвижимой Праджни для нас, — чувствующих существ. Когда перед ним стоят обычные люди, они вспоминают о его назначении и опасаются препятствовать буддийскому учению. Но человек, обладающий мудростью, и приближающийся к буддийскому состоянию просветления, сознает, что Фудо Мео символизирует недвижимую Праджню и является разрушителем иллюзий. Того, кто становится просветленным и ведет свою жизнь по примеру Фудо, уничтожив все свои заблуждения, не коснутся злые духи. Мео — символ неподвижности ума и тела. Не двигаться — значит не «останавливаться» на видимом объекте. Увидев что-то, глаза следуют дальше и ум не привязывается. Когда ум останавливается на каждом стоящем перед ним объекте, то его волнуют всевозможные мысли и

чувства, и «останавливание» неожиданно ведет к движению, т.е. волнению. Хотя ум есть субъект остановок, т.е. подвержен «остановкам», он, хотя это и кажется сверхъестественным, при всей своей внешней подвижности в самом себе остается недвижимым.

К примеру, перед вами 10 человек и каждый из них пытается по очереди нанести вам удар мечом. Как только вы избавитесь от одного, нужно сразу же переходить к следующему. Нельзя позволять уму ни на одном противнике останавливаться ни на одно мгновение. Как бы быстро удар ни следовал за ударом, вы не задерживайтесь между двумя ударами, ни на миг не вступайте в схватку сразу с двумя противниками. При таком подходе каждый из десяти противников будет успешно отражен. Это возможно лишь в том случае, если ум свободно движется от объекта к объекту без всяких остановок, без привязанности. В обратном случае подобная игра закончится поражением.

Каннон Босацу (Авалокитешвара) иногда изображается с тысячей рук, и каждая из них держит свой инструмент. Если ум «останавливается» на использовании, скажем, лука, все остальные руки- (числом 999) окажутся бесполезными. Только потому, что ум не останавливается на использовании одной руки, а движется от одного орудия к другому, все руки оказываются в высшей степени полезны. Но даже от Каннон нельзя ожидать, чтобы на ее теле была тысяча рук. Просто ее образ демонстрирует, что недвижимая Праджня осознана и при этом даже тысяча рук не мешает.

Вот другой пример. Я смотрю на дерево и вижу один красный лист. Мой ум останавливается на нем. При этом все остальные листья исчезают. Но если я смотрю на дерево без предвзятых мыслей, я вижу сразу все листья. Один лист «останавливает» мой ум на себе и не дает ему видеть все остальные листья. Но если ум движется без «остановок», он успешно воспринимает сотни тысяч листьев. Когда мы пребываем в таком состоянии ума, мы сами — Каннон.

Простодушный поклоняется Каннон, считая ее сверхъестественным существом с тысячьо рук и глаз. Другие, чей ум заходит не слишком далеко, вообще отрицают реальность Каннон, говоря: «Как это может быть у одного тысяча рук?» Те, кто знает причину вещей, не станут ни слепо верить, ни напрочь отрицать. Для них это совершенный символ — свидетельство мудрости Буддизма. Тому же учат и другие школы, в особенности Синтоизм. Его символические фигуры не следует отвергать, но и не следует воспринимать буквально. Нужно понимать их смысл. Значения могут быть разные, но все они непреложно указывают на одну истину.

Все начинающие поднимаются от первой ступени Неведения и Аффектов, и в итоге достигают Недвижимой Праджни. И, когда они

добираются до последней ступени, то видят, что находятся совсем рядом с началом. В этом — глубокий смысл.

В фехтовании это проявляется в том, что подлинный начинающий понятия не имеет, как правильно держать меч, фехтовать, и того меньше знает о том, как ему вообще вести себя во время боя. Когда противник пытается его ударить, — он инстинктивно парирует удар. Вот и все, что он может сделать. Но, когда начинается тренировка, его учат, как держать меч, куда направлять ум, и множеству технических приемов — что заставляет его ум «останавливаться» на стыках различных действий. Поэтому, когда он пытается нанести удар по противнику, он чувствует себя ужасно скованно — ведь он утратил чувство неискушенности и свободы. Но проходят дни и годы, тренировка приводит его в состояние полной зрелости. Его движение и владение мечом достигают состояния «не-ума» (не-умности). Это состояние сходно с тем, которое у него было в начале его пути, когда он еще ничего не знал, не ведал об этом искусстве. Начало и конец — ближайшие соседи. Мы начинаем считать: один, два, три, и когда приходим к десяти, то снова возвращаемся к одному.

В музыкальной гамме можно начать с самого низкого тона и постепенно прийти до самого высокого. Когда достигаем самого высокого, он оказывается рядом с самым низким. Попросту говоря, когда достигнута высшая стадия изучения буддизма, человек становится вроде простака, который ничего не знает о Будде, о его учении и избегает знания всяких научных достижений, всякой учености. Неведение и аффекты, характеризующие первую ступень, вливаются в Недвижимую Праджню, последнюю ступень буддийской дисциплины. При этом интеллектуальные расчеты отходят в сторону, и преобладает состояние не-умности (мусин) или не-мыслия (мунэн). Когда конечное совершенство достигнуто, тело и его органы действуют сами по себе, как им и полагается, без вмешательства ума. (Техническое совершенство достигает полной автономии, освобождается от сознательных усилий).

Буккоку Кокуси (1241-1316) из Камакуры написал стихотворение:

*Хоть и неосознанно пытаюсь устеречь
рисовое поле от незваных гостей,
Пугало, в конце концов, стоит не бесцельно.*

Пугало, изображая человека, поставлено среди полей, оно держит лук и стрелу, как бы готовясь выстрелить. Видя это, звери и птицы разбегаются в страхе. Это изображение человека не обладает умом, но отпугивает оленя. Совершенный человек подобен ему. По этому поводу

приведем историю с «деревянным петухом» (Чжуан-цзы, 4 в. до н.э.) (Перевод Л.Д.Позднеевой из главы 19 «Понимающий сущность жизни», в скобках вариант перевода Д.Т.Судзуки из его книги «Дзен и японский буддизм»).

Цзи Синцзы тренировал бойцового петуха для чжоуского царя Сюань-вана. Через десять дней царь спросил:

— Готов ли петух к бою?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится, (тщеславен, полон боевого задора).

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос...

— Пока нет. Еще бросается на каждую тень, откликается на каждый звук, (прислушивается к крику другого петуха, преследует его тень).

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край, (все еще возбуждается, слишком много чувств).

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос.

— Почти готов. Не встревожится, пусть даже услышит другого петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит, (почти готов. Даже если другой петух издаст свой боевой клич, он останется недвижим. Когда на него посмотрим, он напоминает деревянного. Его качества превосходны. Среди петухов нет ему равного. Все они будут убегать от него).

Человек обретает бессознательный или рефлекторный тип деятельности тела, а ум не останавливается ни на чем. Он существует сам по себе, без мыслей, без аффектов, подобно пугалу среди рисовых полей. Человек становится простодушным, его чистый ум особенно не выделяется и кажется наивным, держится сам по себе, не отличается самоуверенностью. Несамуверенность характерна для тех, кто достиг высшего состояния ума. Но есть и такие, кто много знает и ставит себя выше других. В наши дни, среди людей моей профессии, таких много и мне за них очень стыдно.

Нам следует различать два направления тренировки: духовная⁴ и практическая. Что касается духовной, то это становится понятным, если человек отказывается от своего собственного неведения и

4 Этот термин мне не очень нравится, поскольку может вызвать неадекватные ассоциации. В оригинале (по-японски это «ри», по-китайски это «ли»), это означает «нечто трансцендентальное», «что-то контрастирующее с детальной актуальностью» и связанное с внутренним или сверхчувственным планом вещей.

аффектов и достигает состояния «не-ума»⁵. Это было изложено выше. Но нельзя отвергать и тренировки технического плана. Если принцип ясен, этого еще не достаточно для мастерства движения. Практическими деталями технического совершенства я считаю, например, то, что называется пятью способами постановки тела в зависимости от характера человека. Принцип духовности должен присутствовать, без всякого сомнения, но фехтовальщик должен владеть и техническими навыками. Тренировка никогда не должна становиться односторонней. Ри (ли) и дэн (ши)⁶, как два колеса одной повозки.

ИСКРА ОТ КРЕМНЯ, УДАРЯЮЩЕГО О СТАЛЬ

Существует способ выражения мысли «не оставляющий ни малейшего промежутка». Когда кремень ударяется о сталь, не проходит и мгновения, как стремительно появляется искра. Это относится и к уму, который не «останавливается» на объекте, не тратит времени на обдумывание (ибо аффекты любого рода отстаивают свои права). Это не значит, что события проходят буквально одновременно или мгновенно следуют одно за другим. Важно не давать уму на чем-либо фиксироваться (останавливаться). Мгновенность сама по себе бесполезна, если ум «останавливается» хоть на мгновение. Пока есть хоть мгновение остановки, ваш ум уже не ваш, поскольку он попадает под контроль чего-то иного. Когда ум размышляет, как ему совершить быстрое движение, сама эта мысль уже сковывает его. (Вы себе уже больше не хозяин).

Приведем стихотворение Сайге (Санкасю):

5 По-японски все предложение читается так: Тада-иссин-но-сутэ е нитэ соро, буквально: «Все это зависит от того, как человек отказывается от своего ума». В этом случае «ум» следует понимать не как «один абсолютный ум», но как «обычный, обыденный ум всякого человека», т.е. «ум неведения и аффектов», который останавливается на объекте или опыте, или переживании, и отказывается возвращаться к своему природному состоянию пустоты, пустоты, не-умности.

6 Ри (ли) или дэн (ши) — часто употребляемые термины буддийской школы Кэ-гон. Дэн — определенный объект или событие, ри — универсальный принцип. Когда они разделены, жизнь теряет свободу и спонтанность, и человек перестает владеть собой. Говоря языком психологии, их соединение происходит, когда бессознательное прорывается в сознательном, и рассудочная деятельность передает власть бессознательному. На языке христианской религии это называется смерть «Я» и жизнь «во Христе». Буннам Дзэндзи сказал бы: «Жить, как мертвец». Фехтовальщик должен освободиться от всех мыслей о жизни и смерти, достижениях и потерях, правоте и неправоте, целиком отдаваясь той силе, что живет глубоко внутри его существа. Это все осуществится только тогда, когда Ри и Дэн будут в гармоническом взаимодействии. Стихотворение Бунана гласит:

*Пока живешь,
Будь как мертвец,
Будь совершенно мертвым —
И делай все что хочешь.
Все будет хорошо.*

*Как я понимаю, ты должен быть человеком,
который вырос усталым от этого мира.
Я думаю о тебе, как о не стремящемся⁷
к временному убежищу.*

Говорят, это стихотворение написала куртизанка из Иэгути. Я обратился к нему, потому что последняя часть содержит слова «коко-ро томуна», т.е. владеть «неостановленным» умом. Это больше всего подходит к искусству фехтовальщика, которое, в конечном счете, состоит в том, чтобы овладеть умом, не застревающим ни на одном объекте.

Вопрошающий дзенского мастера: «Что есть Будда?», может в ответ получить поднятый кулак. Или: «В чем конечный смысл буддийского учения?» — учитель может ответить еще прежде, чем вопрос дозвучит до конца: «Ветка цветущей сливы!» или «Кипарис во дворе!» Дело не в том, чтобы дать буквальный ответ, нужно только, чтобы ум вопрошающего ни на чем не остановился. Такой ум не «останавливается»⁸ ни на цвете, ни на звуке, ни на запахе. Этот неостанавливающийся ум в его таковости (тай) благословляется как Бог, и почитается как Будда. Это и есть дзенский ум или конечная суть искусства. Ответ на вопрос, подобный приведенным выше, данный после раздумья, может быть прекрасен и полон мудрости, но, в конце концов, он еще находится на стадии неведения и аффектов (авидья — клеша).

Дзен интересуется то мгновение, в котором кремень, ударяясь о сталь, высекает искру. Чей-то голос зовет: «О, Уэмон!», — и человек сразу откликается: «Да!» Это недвижимая Праджня. Иногда человек останавливается в сомнении и размышлении: «К чему бы это было?» или «Кто бы это мог быть?» — и наконец ответит: «Что?» Такой человек исходит от ума, пребывающего на станции недеяния и аффектов. Где бы и когда ум ни останавливался — это знак, что им движет нечто внешнее, т.е. человек находится в заблуждении.

С другой стороны, то, что где-либо не задерживается и сразу же реагирует (в частности на окрик) — есть Праджня всех Будд. Будда и все существа не есть «два», как нет богов и людей. Бог или Будда — имя, данное уму, тождественному Праджне.

Существует много путей. Путь богов, Путь поэзии, Путь Конфуция

7 Стремиться по-японски «когоро тамэру», о чем так много говорит Такуан в своем письме Дзяю Тадзима-но-ками. Вторую часть стихотворения можно перевести так: «Я только думаю, что тебе не следует останавливать свой ум на временном убежище».

8 Такуан здесь употребляет слово «утуру». Буквально «утуру» означает «течение» (переход) или «перемещение» (переключение) с одной вещи на другую. «Во томару» означает «останавливаться». «Кокоро» — ум, сердце, душа. «Кокоро во томару» — означает, что человек воспринимает объект, и его внимание им полностью захвачено, ум застревает на этом объекте.

— но все они лишь иллюстрация к единому уму. (Путь по-китайски «Дао»).

Когда люди следуют только букве и не обладают истинным пониманием того, что есть Единый Ум (Недвижимая Праджня) — тогда всю свою жизнь всеми возможными путями они этим злоупотребляют. День и ночь они совершают добрые и злые дела, согласно своей карме. Они оставляют семью, разрушают целую нацию или совершают еще что-нибудь, противное воле единого ума. Они совершенно запутываются и не могут узреть Единый Ум. К несчастью, так мало людей, действительно проникших в глубины Единого Ума. Остальные, увы, совершенно сбились с пути.

Но мы должны знать, что не достаточно видеть этот ум. Мы должны практиковать его в нашей повседневной жизни. Мы можем бойко о нем говорить или писать о нем книги, но этого не достаточно. Сколько бы мы ни говорили о воде, как бы умно ее не описывали, она от этого не станет настоящей водой, жажды не утолит. И так же огонь. От одних разговоров об огне рот не загорится. Узнать, что такое огонь и вода, значит испробовать их в действительной конкретности. Книга о вкусной и здоровой пище голода не утолит. Чтобы насытиться, нужна настоящая пища. И так, пока мы будем только разговаривать, мы не истинно знающие.

Конфуцианство, как и буддизм, пытается объяснить, что такое Единый Ум, но, поскольку сама жизнь приспособляется к этим буддийским и конфуцианским понятиям, мы не можем себя назвать истинно обладающими этим умом, даже если каждый из нас потенциально его имеет. Причина, по которой преданные изучению Дао не могут узреть глубочайший смысл этого Пути, кроется в том, что они слишком полагаются на само изучение. Если они действительно хотят увидеть Единый Ум, необходимо глубокое куфу⁹...

9 Куфу было уже объяснено. Это не просто мышление головой, но также состояние, когда все тело участвует в решении проблемы. Типичен «Мыслитель» Родена. Японцы часто говорят «спросить живот», «думать животом». Это — куфу. Голова обособлена от тела, но живот, который содержит всю систему внутренних органов, символизирует единство всего организма, всего индивида целиком. В этой связи будет небесполезно отметить, какая разница между «Мыслителем» Родена и рисунками Соккаку (10в.) изображающего дзенского мастера в медитации. Оба глубоко сосредоточены, но фигура «Мыслителя», мне кажется, находится в плоскости относительности и интеллекта, тогда как поза восточного мастера вне относительности. Роденовский персонаж находится на приподнятом сидении, а дзенский мастер сидит прямо на земле. Дзенский мыслитель, соприкасаясь с землей, как бы коренится в основании всех вещей и каждая его часть прямо связана с тем источником бытия, из которого мы, земные люди, произошли. Подняться над землей хоть на один фут — значит обособиться, разделиться, предаться абстракции, перейти в сферу анализа и различения. Восточный способ сидеть — это пытаться пустить корни вниз к центру земли и сознать себя в Великом Источнике, в котором наше «откуда» и «куда».

ГДЕ ПОМЕЩАТЬ УМ

Часто задают вопрос: «Куда направлять ум (внимание)?» Когда ум направлен на движения противника, он захвачен ими. Когда направлен на его меч — скован мечом. Когда направлен на то, чтобы нанести противнику удар — захвачен мыслью об ударе. Когда направлен на собственный меч, захвачен собственным мечом. Когда направлен на самозащиту, — захвачен идеей самозащиты. Когда направлен на положение тела, которое принял противник — захвачен им. Во всех случаях говорят, что не знают, куда следует направлять ум.

Некоторые говорят: «Куда бы ни был ум направлен, человек неизбежно следует этому направлению, и враг, конечно, использует это, т.е. поражение неминуемо. Поэтому лучше всего держать ум в нижней части живота, как раз под пупком, тогда он сможет приспособиться к различным ситуациям».

Совет достаточно резонный, хотя с высшей точки зрения, которой придерживаются буддисты, он ограничен. Может быть, и неплохо во время тренировки сосредотачивать ум в нижней части живота, но это все еще стадия почитания¹⁰. К ней относится и совет Мэн-Цзы возвращать убегающий ум¹¹ назад, на его исходное место.

Если вы пытаетесь удержать ум, заключить его в нижнюю часть живота — сама идея его удержания, фиксации в определенном месте не позволит уму действовать в другом месте, и результат не преминет сказаться. Тогда возникает вопрос: «Если удержание ума ниже пупка препятствует его свободному движению, то где же его следует удерживать?» Отвечаю: «Если вы берете его в правую руку, он становится пленником правой руки, а остальные части тела терпят неудобства. Тот же результат, если поместить ум в глаза или правую ногу, как и в любую другую ограниченную часть тела. Тогда остальные части тела будут ощущать его отсутствие».

Тогда возникает вопрос: «Так на чем же, в конце концов, сосредотачивать ум?» Ответ таков: «Не в том суть, где разместить свой ум, а в том, чтобы чувствовать его всем телом, дать ему течь через

10 «Кэй» по-японски. Конфуцианские ученые, особенно династии Сун, считают это чувство почитания, благоговения чрезвычайно важным для прогресса в изучении Дао (Пути). Это чувство в озен хорошо только для Начинающих.

11 Хосин по-японски, фань-синь по-китайски. Хо (фань) значит «свободный, необузданный», «бешено бегающий», «идущий куда попало», «потерянный», «отпущенный». Мэн-Цзы (гл. 6 «Гао-цзы») говорит, что жизнь «любовь, человеколюбие» — это человеческий ум (сердце), справедливость — человеческий путь. Жаль, что люди оставляют Путь, не следуют ему, что люди отпускают свой ум, не ищут его. Когда у них пропадает курица или собака, они знают, что должны это найти. Путь учения — это поиск сердца, которому они позволили уйти. Кокоро — значит одновременно и ум и сердце, интеллект и чувства. Это часто употребляется в философском смысле как субъект, субстанция или душа. Где бы в письме Такуана не употреблялся «ум», его нужно понимать в этом всеобъемлющем смысле.

все ваше существо. Если это происходит — вы пользуетесь руками, ногами, глазами тогда, когда они нужны, и не тратите зря ни лишнего времени, ни лишней энергии». (Локализация ума означает его замораживание. Когда он перестает свободно течь, как это необходимо, он больше не ум в своей таковости). Локализация бывает не только в физическом пространстве. Ум может быть скован и психологически. Например, можно задуматься, когда необходимо действовать немедленно. Размышление «останавливает» движущийся ум. Не раздумывайте, не проводите различий. Дайте уму течь спокойно, без задержек, по всему телу, нигде не «останавливаясь». Дзен-буддисты в своем учении говорят о правильном или истинном (се) и частичном (хэн). Когда ум совершенно наполняет тело, он правильный; когда помешается в какой-то части тела, он частичный или односторонний. Правильный ум равномерно распределен по всему телу и нисколько не частичен. Частичный же ум разрознен и односторонен. Дзен не любит частичность или локализацию. Когда ум прикован к какому-то месту, он не может проникать или течь во все части тела. Когда его не делают преднамеренно частичным, он естественно распространяется по всему телу. Обладая таким умом, человек может спокойно встречать нападающего противника, вооруженного мечом. В любое мгновение ваши руки смогут среагировать на ваш приказ. Ноги и все остальные части тела безошибочно действуют, согласно обстоятельствам. Уму не нужно выбираться из какой-то ограниченной части, куда его перед этим поместили на стоянку.

С умом нельзя обращаться как с кошкой, привязанной за веревочку. Ум надо предоставить самому себе, чтобы он мог свободно действовать согласно своей природе. Нигде не ограничивайте ум, не делайте его частичным — вот верная духовная тренировка. Когда он нигде, тогда он везде. Когда он занимает одну десятую, его нет в девяти десятых. Фехтовальщик должен дать уму двигаться, как ему естественно, а не пытаться его намеренно ограничивать.

¹²Основной тезис письма Такуана к Дзюгю Тадзима-но-ками заключается в сохранении текучести ума (кокоро), удержании его от интеллектуальных раздумий и аффектных волнений любого характера, которые возникают от неведения и заблуждения. Может показаться, что текучесть и Недвижимая Праджня вступают в противоречие, но в реальной жизни они идентичны. Когда у вас есть одно, то есть и другое, ибо Ум в его таковости одновременно подвижен и неподвижен, он

12 Несколько нижеследующих разделов состоят в основном из выдержек из письма Такуана, пересказанных современным языком. Оригинал мог вызвать непонимание современных читателей, но мы просим их снисходительного терпения, ибо их внимание будет вознаграждено не только пониманием психологии фехтовальщика и ее отношение к дзенской метафизике, но и выяснением определенных аспектов психологии, которая лежит в основе всех видов японских искусств.

постоянно течет, никогда и нигде не «останавливается», и помимо всего у него есть центр, который никогда и нигде не вступает ни в какое движение, оставаясь всегда самим собой. Трудность в том, чтобы почувствовать тождество этого центра неподвижности с его непрерывными движениями. Такуан рекомендует фехтовальщику решать эту трудность владения мечом, прямо стоя перед противником. Таким образом, фехтовальщик находится перед лицом логического противоречия. Как только он начинает обращать внимание на противника, начинает логически осмысливать ситуацию — его движения становятся затрудненными (это называется «суки»¹³). И враг, конечно, пользуется этим. Фехтовальщик не должен задумываться ни на секунду, ибо момент «суки» противник не преминет использовать. Вы не можете ни расслабиться, ни сохранять напряжение хоть какое-то время, ибо это заставляет ум «останавливаться», и он теряет свою текучесть. Как же можно одновременно расслабляться и напрягаться? Это все то же старое противоречие, только в другой форме.

При интеллектуальном анализе ситуации противоречие в той или иной форме неизбежно; движение и в то же время не движение, напряжение и расслабление; видеть, как все происходит, и в то же время несколько не беспокоиться о том, как все это повернется. Не нужно иметь намерений, сознательных расчетов, предчувствий, ожиданий — короче говоря, быть невинным, как дитя, и при этом владеть всей ловкостью, хитростями, проницательнейшей сообразительностью вполне созревшего ума, и все это перед лицом противника. Как этого достичь? Интеллект в такой парадоксальной ситуации помочь не может. Единственный способ достичь результата — это куфу. Куфу — нечто глубоко личное, индивидуальное, сто необходимо развить внутри себя. Буквально куфу значит «пытаться», «бороться»; «стараться найти путь вовне» или в христианской терминологии «постоянно молить Бога о помощи». Если говорить языком психологии, — это значит устранить все препятствия, как интеллектуальные, так и аффективные и эмоциональные, — на пути того, что скрыто в бессознательном, и дать ему двигаться совершенно независимо, без вмешательства интеллекта. Куфу может, минуя анализ, достичь полной свободы движения, преодолеть все, что сдерживает. Куфу наступает, когда воля напряжена до предела, когда человек захвачен весь целиком, т.е. он целен и растет из глубины собственного бытия.

Поясняя неподвижность столь подвижного ума, Такуан различает ум изначальный и ум заблуждающийся. Последний представляет собой

13 Суки — буквально означает любое пространство между двумя объектами, куда можно вложить что-нибудь еще (зазор, разрыв). Психологическое или умственное суки возникает, когда состояние напряженности переходит в расслабление. Более подробно написано во второй части работы.

раздвоенное интеллектом состояние сознания. Начальный ум — это ум, себя не сознающий (еще наз. «изначальный» ум), а иллюзорный ум разделяет все, вмешивается в свободное действие изначального ума. Изначальный ум называется хонсин, заблуждающийся ум — мосин. Хон означает «изначальный», «первичный», «реальный», «истинный», «природный». Мо — это есть «нереальный», «обманывающий» или «обманутый», входящий или введенный в «заблуждение». Син — это «кокоро», т.е. ум в самом широком понимании.

Заблуждающийся ум можно определить как ум, обремененный идеями и аффектами. Такой ум не может двигаться от одного к другому без остановки, не оглядываясь на себя, и это препятствует его природной текучести. Такой ум, прежде чем сделать движение, образует сгусток, потому что первое движение все еще тянется. Это суки фехтовальщика — то, чего нужно старательно избегать. Это же относится и к самоосознанному уму, по-японски усин но син. Сознать сам себя может только ум человека, в отличии от ума животного. Но ум, сознающий, что он делает, перестает быть инстинктивным, его распоряжения окрашены расчетами и раздумьями, а это значит, что связь между ним и органами тела уже не прямая, поскольку утрачено единство между руководителями и исполнителями. Когда существует двойственность, индивидуальность никогда не проявляется в целом; такой, как она есть. Такуан называет такую ситуацию «останавливанием», «задержкой» или «замораживанием», «застыванием». Он предупреждает, что нельзя умыться льдом. Сознание и следующее за ним раздвоение делает ум жестким, начинает действовать «заблуждающийся» ум, а это гибель фехтовальщика.

Осознающий ум — усин но син, — противоположен мусин но син, уму не сознающему себя. Мусин — буквально означает «не-ум», это ум, отрицающий себя, дающий себе уйти от себя, расслабиться до состояния совершенной несдержанности, несвязанности. (Это резюме из собственных слов Такуана).

УМ НЕ-УМА (Мусин но син)

Ум, не сознающий себя, не нарушается никакими аффектами. Это ум изначальный, а не заблуждающийся. Он всегда течет, никогда не останавливается, никогда не становится твердым. Поскольку он ничего не выбирает, не ищет, куда надо двигаться, — он наполняет все тело, проникает в каждую его часть и нигде не останавливается. Он никогда не становится подобным камню или куску дерева. Если он отыскивает где-то место для отдыха — это не ум не-ума. Не-ум ничего в себе не хранит. Его также называют мунэн, «не-мысль». Мусин и

мунэн¹⁴ синонимы.

Главное — достичь мунэн или мусин. Тогда сознание течет от предмета к предмету, как поток воды, заполняя все уголки. Поэтому ум может выполнять все, что от него требуется. Но когда течение где-то останавливается, в другие места оно уже не доходит, и в результате наступает общая заостренность. Колесо может вращаться, когда оно не слишком плотно связано с осью. Если связь слишком тесная, оно не будет двигаться. Если ум чем-то занят, он перестает работать, он не может ни слышать, ни видеть, даже если звук проникает в уши или свет вспыхивает перед глазами. Когда у вас что-то на уме, ум предвзят и у него нет ни на что больше времени. Но пытаться устранять мысль, которая поселилась в уме, значит наполнить ум чем-то другим. Это вызывает порочный круг. Лучше всего с самого начала не давать в уме пристанища ничему. Может быть, это и трудно, но если вы продолжите упражняться в куфу, то через некоторое время достигнете этого состояния. Но, конечно, для этого не надо торопиться.

Далее также приведем одно стихотворение из японской поэзии:

*Думать, что я более не стану думать¹⁵ о тебе —
Значит, все еще думать о тебе.
Так дай мне не пытаться думать,
Что я не буду думать о тебе.*

Прежде чем расстаться с Такуаном, я хочу рассмотреть вечный парадокс, принимающий, например, такие формы, как вопросы: «Как сохранить ум в состоянии думания, когда его дело — не думать?». «Как ум может быть одновременно умом и не-умом?», «Как «А» может быть одновременно и «А», и «не-А»?» Это касается не только логических и психологических проблем, но также и метафизических. Однако фехтовальщику необходимо разрешить эту проблему самым конкретным образом, потому что для него это вопрос жизни и смерти. Многие ее рассматривают чисто интеллектуально, оставаясь по существу к этому совершенно безразличными. Но и с философской точки зрения эта проблема остается для нас важной, ибо она является ключом к пониманию восточной мысли и культуры.

¹⁴ Мусин (кит. усинь) или мунэн (кит. унянь) — одна из наиболее важных категорий дзен. Это соответствует состоянию невинности и радости первых обитателей райских куш или даже уму самого Бога, когда он собирается произнести «Да будет свет». Это (Хой-нэн) — шестой патриарх дзен подчеркивает значение мунэн или мусин, как наиболее существенное в учении дзен. Обретя его, человек становится дзен-человеком, дзенцем, и, как сказал бы Такуан, совершенным фехтовальщиком.

¹⁵ «Думать» — по-японски омоу. Омоу значит не только думать, но и вспоминать, ожидать, любить. Оно имеет как аффективное (эмоционально-чувственное), так и интеллектуальное значение.

Предание гласит, что Дзягю Тадзима-но-ками Мунэнори оставил одному из сыновей стихотворение, содержащее секрет его школы фехтования. Стихотворение, с литературной точки зрения, довольно слабое. Стихотворения такого рода называются «дока» или стихотворение о Дао. Вот оно:

*Знай, что за техникой есть дух (ри),
Он сейчас расцветает.
Открой перегородку, —
Смотри: вливается, сияя, лунный свет.*

Можно сказать, что это чрезвычайно мистично. Но самое странное не в том. Что же искусству фехтования, которое, прямо говоря, состоит во взаимном убийстве, делать с этим стихотворением о луне и расцвете? В японской поэзии лунный свет вызывает богатые поэтические ассоциации. С этой точки зрения понятно, почему Дзягю обратился именно к нему, но что мечу делать со стихотворением о луне? Какое вдохновение ожидает получить фехтовальщик, созерцая луну на рассвете? В чем здесь секрет? После многих трагических событий, с которыми без сомнения должен встретиться человек, каким экзотическим просветлением он хочет увенчать весь свой прошлый опыт? Автор, конечно, хочет бросить внутренний свет на психологию фехтования. Дзягю, истинный мастер, знает, что голая техника не сделает человека настоящим фехтовальщиком. Он знает, что дух (ри) или внутренний опыт (сатори) должны быть основой искусства, обретаемого лишь в созерцании в глубочайшие тайны ума. Вот почему Такуан неустанно объясняет учение о пустоте (шуньята), т.е. метафизике мусин но син (ума не-ума). Пустота или не-умность некоторым покажется слишком далекой от жизни, от тех требований, что жизнь нам постоянно предъявляет. Но теперь мы понимаем, что она имеет непосредственное отношение к проблемам жизни и смерти, о которой большинство из нас не задумывается.

Конец письма Такуана.

Сущность совета Такуана Дзягю Тадзима-но-ками можно подытожить, процитировав фрагмент окончания его длинного письма, в котором он обращается к схватке Букко Кокуси с солдатами вторгшейся армии Даюаня. Этот эпизод будет рассказан в нижеследующем разделе. Такуан здесь даст комментарии о мече, «сверканием молнии рассекающем весенний ветерок».

«Поднятый меч не имеет собственной воли, он весь из пустоты. Он,

как сверкающая молния. Человек, который сейчас будет повержен ударом — тоже пустота, и такая же пустота — поднявший меч. Ни один из них не обладает умом, наделенным субстанциональностью (постоянством, твердостью). Поскольку каждый из них состоит из пустоты и не обладает умом (кокоро), то человек, который наносит удар, не человек; меч в его руках — не меч, и то «Я», которое сейчас будет повержено, подобно весеннему ветерку, рассеченному проблеском молнии. Когда ум не останавливается, то меч, наносящий страшный удар, не что иное, как дуновение ветерка. Ветер не сознает себя, когда мчит над вершинами деревьев, нарушая их покой. Так же и меч. Отсюда и строфы Букко.

Эта пустота «не-умности» относится ко всем видам деятельности, а так же к танцам и фехтованию. Танцор поднимает веер и топает ногой. Если он хоть чуть-чуть думает о том, как ему это надо сделать хорошо, он перестает быть хорошим танцором и его ум останавливается на каждом моменте. Во всех действиях необходимо забыть свой «ум» и стать единым с тем, что ты в этот миг делаешь.

Если мы привязываем кошку, чтобы она не схватила птичку, она будет вырываться на свободу. Но научите кошку не замечать присутствия птицы, и тогда животное свободно и может отправляться, куда захочет. Иными словами, когда ум привязан, он чувствует себя ограниченным в каждом движении и тут нечего говорить о каком-то чувстве спонтанности.

Итак, не позволяйте уму останавливаться на поднятом мече, забудьте, что делаете, и бейте врага. Не удерживайте ум на том, кто стоит перед вами. Все происходит из пустоты, но остерегайтесь, чтобы ваш ум не связался с самой пустотой.

Дополняя Такуана, привожу следующую историю, как иллюстрацию ума не-умности.

Один дровосек усердно валил деревья в отдаленных горах. Вдруг появился зверек по имени «сатори». Это было очень странное существо. Дровосек решил изловить его живьем. Зверек прочитал его мысли и сказал: «Ты ведь хочешь меня живым изловить, правда?» Дровосек ужасно удивился и не знал, что сказать; тогда зверек заметил: «Видно, ты удивился, что я умею читать мысли». Дровосек удивился еще больше и решил яростно ударить животное топором. Тогда сатори воскликнул: «Ах, теперь ты убить меня хочешь!» Дровосек совсем смутился и, осознав свое бессилие справиться с чудесным животным, решил вернуться к своим делам. Сатори, однако, теперь само погналось за ним и сказала: «Ну, наконец-то ты покинул меня». Дровосек уже не знал, что ему и

делать со зверем или собой. Совершенно отказавшись от намерений насчет животного, он вновь взялся за топор и, не обращая внимания на присутствие животного, принялся сосредоточенно и со всей силой валить деревья. Во время его работы топор вдруг соскочил с топорница, ударил животное и убил его. Со всеми своими способностями читать мысли сатори, однако, не смогло прочесть мысли «не-умности».

На последней стадии обучения фехтовальщика существует тайное знание, даваемое лишь тем ученикам, кто достиг высшего уровня. Одной технической тренировки недостаточно. Совершенствование в технике не определяет высокого уровня. Тайное учение известно лишь среди мастеров определенной квалификации. Это учение — «Луна в Воде». Один из авторов объясняет это так:

«Что означает «Луна в Воде»?

В разных школах фехтования это объясняется по-разному, но основная идея в том, чтобы понять, как луна отражается везде, где только есть вода, а это достигается лишь в состоянии мусин (не-умности). Одно из стихотворений Хоросавы, сочиненное у водоема, гласит:

*Луна не собираетя отбрасывать тень,
И пруд не думает отразить луну.
Как ясны воды Хиросава!*

Сквозь это стихотворение нужно прозреть тайну мусин, в котором нет следов искусственных затей, а все предается самой Природе. Одинокая луна отражается в сотнях потоков. Свет луны неразделен на множество призраков, это рябь на поверхности искажает сияние, дробя луну на множество осколков. Свет луны так же существует, когда нет воды, его отражающей. Точно таким же остается свет луны, когда воды много или есть только маленькая лужица. Эта аналогия делает более понятной тайну ума. Луна и вода — предметы осязаемые, тогда как ум не имеет формы, и его работу трудно проследить. Таким образом, эти символы не есть истина, а только намеки на нее.

Пока состояние мусин не осознано, не реализовано, ум всегда сознает, что делает — это Такуан называет «умо-останавливанием». При этом, вместо течения, ум начинает размышлять о том, что он собирается сделать или уже сделал. Воспоминание и ожидание — это прекрасные качества человеческого ума, которые отличают его от низших животных. Они очень полезны в определенных отношениях, но когда каждое движение решает, — жить или умереть, — эти

свойства ума следует отбросить, чтобы они не впутывались в течение мысли и молниеносную скорость движений. Человек должен обратить себя в игрушку в руках бессознательного¹⁶. Бессознательное должно возобладать над сознанием. Говоря метафизически, это философия шуньяты (пустоты). Техника фехтования основана на этой психологии, а психология — конкретное применение метафизики.

16 «Бессознательное» аналогич. «неосознанное»

ГЛАВА 3

В феврале 1957 года «Атлантик Мансли» поместил статью испанского тореадора Хуана Бельмонте. В ней он описывает свой опыт. Искусство тореадора имеет много общего с искусством японского фехтования. Я здесь приведу часть примечания переводчика и собственный рассказ Хуана о бое, который принес ему славу величайшего тореадора своего времени. В этом бою он пережил, осознал то состояние ума, о котором пишет Такуан Дзягю Тадзима-но-ками. Будь испанский герой практикующим буддистом, он достиг бы прозрения Недвижимой Праджни.

Вот часть примечания переводчика:

«Бой быков — это не спорт. Это нельзя сравнить ни с каким видом спорта. Бой быков, нравится он вам или нет, одобряете ли вы его или осуждаете — это искусство. Он стоит в одном ряду с живописью или музыкой, его эманация духовна и она затрагивает такие глубины, в которые проникает лишь музыка прекрасного симфонического оркестра с великим дирижером».

Хуан Бельмонте так описывает свое психологическое состояние в напряженный момент боя:

«Когда выбежал мой бык, я двинулся ему навстречу и на третьем пасса услышал рев множества людей, вскочивших на ноги. Что я сделал? Я сразу забыл о публике, о других участниках корриды, о себе и даже о быке. Я начал сражаться так, как часто бился один в загонах для скота и на выгонах; так тщательно, словно вычерчивал рисунок на грифельной доске. Говорят, мои пассы с плащом и работа мулетой были открытием в искусстве корриды. Не знаю, я не вправе судить. Я просто старался так, как считал должным сражаться, без единой мысли вне моей веры¹⁷ в то, что я делаю. Я впервые в жизни достиг освобождения тела и души в чистой радости боя, совершенно перестав осознавать присутствие публики. Когда я в одиночестве играл в деревне с быками, я иногда заговаривал с ними, а в тот вечер у меня с быком была долгая беседа, все время, пока моя фаэна совершала арабески. Когда я уже не знал, что еще сделать с быком, я встал на колени под рогами и потянулся к его морде лицом.

— Ну, давай, давай, бычок,— шептал я,— поймай меня!

Я поднялся с колен, провел мулетой у него перед носом и продолжал говорить с ним, побуждая его снова бросить в атаку.

— Так, бычок... Нападай на меня! Ничего с тобой не случится... Ах, ты так, вот ты где... Ну что бычок, видишь меня? Что? Уже устал?..

17 Здесь вера есть единый абсолют, соответствующий тому, что я называю Бессознательным, Фаэна — последняя стадия боя.

Ну, давай! Давай, лови меня! Не трусь... Поддай мне!

Я выполнял идеальную фаэну, которую так часто во всех деталях видел в своих снах, что она запечатлелась в голове с математической точностью. Но фаэна моих снов всегда кончалась трагически, когда я пытался нанести быку удар. Бык неизменно пронзал мне ногу. Должно быть, это было подсознательным подтверждением того, что убивая, я терял свое искусство, и это приводило к трагическому исходу. И все-таки я продолжал осуществлять свою идеальную фаэну. Встав прямо перед рогами быка, я слышал крик толпы как отдельное бормотание, — в точности, как мне снилось, — и бык поймал меня на удар и вонзил рог мне в бедро. Но я был настолько возбужден, опьянен, так вне себя, что едва заметил это. Я нанес удар — и бык упал к моим ногам».

К рассказу Бельмонте могу добавить, что перед схваткой в финале корриды он находился в сильнейшем умственном возбуждении, вызванном соперничеством, жаждой успеха, ощущением своей неполноценности, чувством, что публика готова над ним смеяться. Он признается: «Я был просто в отчаянии. Почему я вбил себе в голову, что я тореадор? Ты просто дурачил себя, — думал я. — Да, у тебя была пара удач в новилладах без пикадоров, но ведь ты ничего не умеешь делать». Однако, благодаря отчаянию, Бельмонте, увидев бегущего на него быка, открыл в себе нечто совершенно неожиданное, скрытое в глубине, и смог это применить. Это нечто иногда появлялось в его снах, но оно глубоко спало в его Бессознательном и еще никогда не выходило на дневной свет. Отчаянье бросило его па предел срыва ума, на край бездны, и вот как он выбрался оттуда: «Я был так возбужден, опьянен, так вне себя, что едва заметил, — не только то, что был ранен, но, фактически все». Его вела Неподвижная Праджня, он полностью отдался ее власти. Вот песня Буккоку Кокуси, уже упомянутого дзенского учителя эры Камакуры:

*Лук сломан,
Стрел больше нет.
Настал критический момент.
Не лелей робеющего сердца,
стреляй без промедленья.¹⁸*

¹⁸ Вот другая песня Кукко о том же предмете:

Не поставлено цели,

И лук не натянут,

А стрела срывает 4-е тетивы,

Она не может ударить

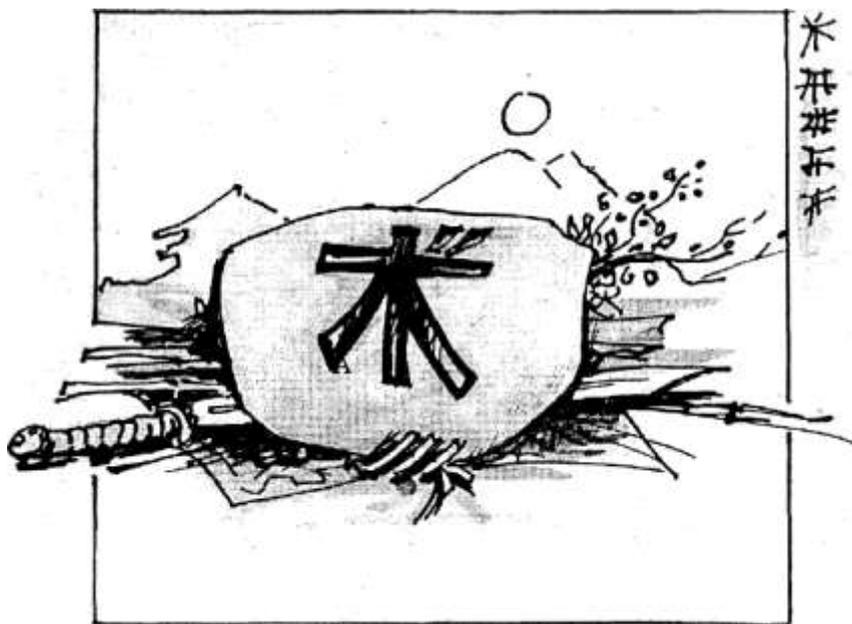
Но и не промахнется

Секрет этого пытался узнать у своего учителя Энен Херригель, впоследствии профессор, автор «Дзен и искусство стрельбы из лука».

Эти строки очень показательны для всех японских воинских искусств.

Когда стрелой без дровка выстрелят из лука без тетивы, она поистине пронзит гору, как это было не раз в истории Востока.

Во всех видах искусств, так же как и в дзен-буддизме, очень важно пройти через подобный кризис, чтобы достичь источника всех творческих сил и знания истины. Я думаю обсудить это более специально с религиозно-психологической точки зрения в отдельной работе о дзен.

ГЛАВА 4

Синкагэ-рю была одной из самых популярных школ фехтования в средневековой Японии. Она возникла в эпоху Асикага, и начало ей положил Ками-Идзуми Исэ-но-ками Хидицума (умер 1977г.). Он провозгласил, что узнал секреты своего искусства прямо от Бога Касима. Несомненно, все это прошло определенные фазы развития, и так называемые секреты должны были сильно возрасти в числе. В настоящее время есть довольно много документов, составленных о мастерах их лучшими учениками. Среди таких документов мы находим отдельные фразы и эпиграммы в стихах, особенно почитаемых дзен и не имеющих прямого отношения к мечу.

Например, последний аттестат, подтверждающий квалификацию учителя, выданный этой школой, не содержал ничего, кроме круга. Это вызывает представление о светлом зеркале, которого никогда не касается ни пыль, ни грязь. В буддийской эпистемологии это — «совершенное-великое-зеркало-мудрость»¹⁹, т.е. та самая Недвижимая Праджня, о которой говорил Такуан. Ум фехтовальщика должен быть совершенно свободен от эгоистических аффектов и интеллектуальных расчетов, чтобы «изначальная интуиция» могла работать во всю силу — это и есть состояние «не-ума» или «не-умности». Чисто техническое владение мечом еще не дает фехтовальщику подобной квалификации. Он должен превзойти сначала конечную стадию духовной дисциплины, т.е. достичь «не-умности», которую символически выражает круг, свободный от всякого содержания — круг без окружающего.

Среди сугубо технических терминов в тайных документах школы фехтования Синкагэ-рю есть фраза, буквальное значение которой никак не связано с фехтованием. Все тайны учения передаются устно, и посторонний не может точно знать смысл той или иной фразы в системе учения о владении мечом. Но, насколько я могу судить, эта фраза взята из дзенской литературы, вне которой она теряет значение. Вот она: «Воды Западной Реки». Комментатор, который не знает ее истинного смысла, интерпретирует ее как свидетельствующую о дерзком и отважном состоянии ума, который не испугается и целую реку проглотить. Однако, это объяснение по меньшей мере нелепо. Эта фраза из дзенского мондо, которое состоялось между Басе (умер в 788г.) и его мирским учеником Хо Кодзи в эпоху правления династии Тан в Китае. Хо спросил:

¹⁹ Анаришана джианам — это на санскрите одно из четырех значений (джиана), даваемых Йогочарами или буддийской школой Виджняптиматра. Это означает поэтизированное свойство сознания как целого, которое здесь сравнивается со светоносным качеством зеркала.

—Что это за человек, который ни с кем (или ни с чем) не водит компании (или не с чем ни связан.).

—Я скажу тебе,— ответил Басе,— вот только проглоти одним глотком все воды Западной Реки.

Говорят, это открыло ум Хо для состояния просветления.

Имея в виду это событие, можно понять, почему фраза «Воды Западной Реки» нашла свое место в тайных документах школы Синкагэ-рю. Вопрос Хо очень важен и ответ Басе тоже. Обучая дзен, часто вспоминают это мондо, и нет сомнения, что в средневековой Японии многие фехтовальщики использовали его, чтобы достичь состояния «неумности». Как уже раньше говорилось, мысль о смерти является величайшим препятствием для положительного исхода битвы жизни-и-смерти. Чтобы преодолеть эту мысль, препятствующую свободному и спонтанному уровню технической натренированности, фехтовальщик должен заниматься дзен. Никакое махание мечом никогда не научит человека одним глотком проглотить Западную Реку. Только он сможет совершить это чудо, и пока оно не совершилось, от вечно присутствующего сознания духа смерти уйти некуда. Дзен – не только философское пояснение о вездесущности жизни, но и самый практический путь в безотносительное, где чашка чая в моей руке, разливаясь, сразу наполняет все огромное пространство Тихого океана, не говоря уже о мелких речушках и отдаленных уголках нашей планеты. Тайные документы также содержат многочисленные «нака», стихотворные эпиграммы, относительно мастерства в фехтовании. Некоторые из них ясно отражают дух дзен.

*В душе (кокоро) абсолютно свободной
от мыслей и эмоций,
Даже тигр не отыщет места, куда
запустит свои свирепые когти.*

*Один и тот же ветерок веет
над соснами в горах и дубами в долине.
Почему же звучат они по-разному?*

*Некоторые думают, что битье — это умение бить,
Но битье — это не умение бить и убийство —
не способность убивать.
Тот, кто бьет, и тот, кого бьют —
Оба они не более чем сон, что не имеет реальности.*

*Не думать, не размышлять
Совершенная Пустота:
И все-таки что-то движется,
Следуя своим путем.*

*Глаз его видит,
Но нет руки, способной схватить.
Луна в ручье —
Вот тайна моей школы.*

*Облака и туманы —
Превращения воздуха:
Солнце и Луна вечно сияют над ними.*

*Победа — для одного,
Еще до битвы.
Для того, кто не думает о себе,
Пребывая в не-умности Великого Источника.*

Все эти высказывания связаны принципом «пустоты», как учит Миямото Мусаси (умер 1645), Дзягю Тадзима-но-ками Мунэнори и другие великие учителя. Они открывают нам величайшую тайну искусства фехтования, которая достижима лишь после длительной практики, требующей напряжения мистических, духовных и физических сил. Утверждение о необходимости духовной дисциплины позволяет считать фехтование творческим искусством. Мусаси был не только великим фехтовальщиком, но и художником школы сумие.

Стихотворения, приводимые ниже, показывают, как дух и философия дзен повлияли на мастеров фехтования. Они, конечно, не были философами и никогда не пытались обсуждать философские вопросы в связи со своей дисциплиной, поскольку их цели не имели ничего общего с концептуальным пониманием учения о пустоте и таковости: У них был личный опыт перед лицом жизни и смерти в образе разящего меча в руках противника. Философ мог бы рассмотреть этого противника или врага не конкретно, как это делает фехтовальщик, но в форме таких концепций, как «объективный мир» или «конечная, реальность», или «дазайи» («здесь и сейчас» — наличное бытие) или «данное», «грубым непреложным фактором» и т.д. Мыслители пытаются одолеть эти неизвестные величины, используя все возможные источники учености и мысли, но проблема фехтовальщика грозна и безотлагательна, она не оставляет ему времени на размышления и эрудицию. Он должен решать тут же, его «мужество» нельзя выработать,

когда он немножко освободится. Этот вопрос у порога, он стучится в дверь, он навис над головой. Если ответ не последует, все пропало. Здесь ситуация куда более критическая, чем у философа. Неудивительно, что дзен приходит спасать фехтовальщика или фехтовальщик прибегает к помощи дзен. Эти стихотворения представлены как секреты фехтования, они выражают дух дзен и его философию. Все нижеследующие стихотворения, состоящие из тридцати одного слога, — так называемые ута или вака, — становятся понятными, когда вы постигли «Воды Западной Реки» Басе или ута Дайто Кокуси о каплях дождя, столь же парадоксальное, как и стихотворение Басе. Нижеследующие стихи взяты из книги «Сборник произведений о фехтовании» Будзюцу (Токио, 1925г.) Приводим эти произведения:

*Если уши твои видят, а глаза слышат, -
Без сомнения ты сохранишь в памяти
Как естественно капли дождя стекают с ив!*

*Весна прибыла, мягко ветер веет,
Персиковые и абрикосовые деревья в полном цвету.
Обильные росы осенними ночами,
Летят опавшие листья.*

*Цветы, листья клена осенью,
Снега зимы покрыли поле белым —
Как прекрасны они, каждый по-своему.
Боюсь, привязанности мои еще не выходят
за пределы чувственного
(Ибо я знаю, что такое Реальность).*

*Внутри священной ограды, пред которой
я склоняюсь.
Должен быть пруд ясной воды.
Когда мой ум-луна просветлеет,
Я увижу его тень, отраженную в воде.*

*Где б, когда и к чему бы ум ни привязался,²⁰
Поспеши отвязаться,
Если замешкаешься хоть ненадолго,
Он опять превратится в твой старый родной город²¹*

*Отринь
Все, чему научился в фехтовании.
Единым глотком
Выпей все воды Западной Реки.*

*Я думал все время, Что уже
научился побеждать, Но теперь
осознал: Побеждать — не более
ни менее Чем проигрывать.*

*В колодце не закопан,
В воде имя ее наполняет,
Тень отражается:*

*И человек без формы и тени
Вытаскивает воду из колодца.
Человек без формы и тени
Превращается в толкущего рис,
Когда он толчет рис.²²*

20 Остановленный ум.

21 Старое, эгоистическое «Я» человека.

22 Хой-Нэн (Эно), шестой патриарх дзен, по поручению настоятеля занимался ручным трудом, в частности толлок рис.

ГЛАВА 5

Автор недавно вышедшей книги «Путь меча» Такано Хиромаса пишет: «В кэндо (Пути меча), чтобы достичь полного совершенства, необходимо не только до конца овладеть техникой, но и духовностью, которая контролирует все искусство фехтования в целом. Это необходимое фехтовальщику состояние ума называется мусин или мусо, т.е. «не-мысль» или «не-рефлексия», «не-размышление». Отсюда, конечно, не следует, что не нужно совсем никаких мыслей, идей и чувств, когда вы стоите перед противником. Нужно предоставить возможность вашим естественным качествам естественно действовать у вас в сознании, свободном от мыслей, рефлексии и аффектов любого рода. Такое состояние ума называется «отсутствием Я», де эгоистичным состоянием (муга или анатман — не-атман), в котором нет эгоистических мыслей, нет осознания своих достижений. Это дух саби-сиори (одиночества), текущий сквозь поэзию Сайге и Басе. Он тоже возникает из состояния отсутствия «Я». Его часто уподобляют отражению луны в воде. Ни луна, ни вода не собираются создать то, что мы называем отражением луны в воде. Вода, как и луна, находится в состоянии не-ума, в не-умности. Но когда есть хоть маленькая полоска воды, в ней видна луна. Луна одна, но ее отражение везде, где есть вода. Когда это достигнуто, ваше искусство совершенно. Дзен и Путь меча в этом едины, их цель — преодоление двойственности жизни и смерти. Исстари это понимали мастера фехтования, и самые великие из них стучались в ворота дзен».

Автор вышеупомянутой книги раскрывает интересную вещь: в феодальную эпоху в Японии мастер меча или копья часто назывался «Осе» (мастер или учитель, на санскрите упадхьяна) — т.е. титулом, обычно даваемом буддистским монахам. Истоки этого обычая можно проследить до того момента, когда в охране Кофукудзи в Наре жил один великий монах. Он жил в маленьком храме Дзидзоин, находившемся под юрисдикцией Кофунудзи и был мастером во владении копьем. Все монахи Дзидзоина учились у него этому искусству. Естественно, что он был Осе для своих учеников, и далее этот титул стал переходить ко всем мастерам меча или копья уже не независимо от их буддийской квалификации.

Помещение, где занимаются фехтованием, называется додзе. Додзе или дзедо — место для религиозных занятий в буддийском монастыре, его первоначальный смысл — место просветления. (На санскрите это звучит бодхимандала). Нет сомнения, что название было взято у буддистов.

Есть и другой аспект, который фехтовальщики переняли у дзен. В старое время, чтобы усовершенствоваться в искусстве фехтования,

было принято путешествовать по стране, преодолевая трудности, которые встречаются на пути, и проходить обучение в различных школах. Дзен-буддисты тоже бродили по стране до тех пор, пока не достигали просветления. Среди монахов эта практика называлась «путешествие пешком», фехтовальщики называли это муся-сюге — тренировка в воинственности.

Не знаю, как давно возникла эта практика среди фехтовальщиков, но мы знаем об основателе Синкагэ-рю, путешествовавшем по стране. Одно событие связало его с дзенским монахом. Однажды он проезжал по маленькой деревушке в одном из отдаленных горных районов и увидел, что ее жители чем-то встревожены. Дело было в том, что доведенный до отчаяния разбойник скрылся в пустом доме, захватив, как заложника, маленького деревенского мальчика, и поклялся убить его, если на него нападут. Исэ-но-ками оценил серьезность ситуации и, увидев проходящего мимо буддийского монаха (а это вне сомнения был дзен-буддист), попросил его ненадолго одолжить монашеское одеяние. Чтобы выглядеть, как настоящий монах, он побрил себе голову и направился к заброшенному дому с двумя коробами для еды. Там он сказал разбойнику через закрытую дверь, что родители мальчика боятся, как бы тот не умер с голоду, и поэтому поручили ему передать еду. Сказав это, он кинул один из коробов преступнику, а затем продолжал: «Может, ты и сам голоден, так вот для тебя другая коробка». А когда головорез протянул к ней руку, он, не теряя времени, схватил его за руку и швырнул на землю. Так разбойник стал его пленником. Затем он вернул монашеское одеяние владельцу и тот сказал: «Ты поистине человек меча», и дал ему какра (или ракасу) — символ монашества, который носят на груди дзенские монахи. (Это разновидность сокращенного «кеса», на санскрите сасайа). Говорят, что Исэ-но-ками больше никогда с этим монахом не встречался. Этот путешествующий монах не мог быть новичком в дзен, он был одним из понимающих. «Человек меча» — это выражение, широко используемое в дзен, чтобы указать на опытного монаха, который уже вышел за пределы жизни и смерти. Исэ-но-ками, должно быть, имел серьезные основания, чтобы ценить и хранить какра, дар монаха, «путешествующего пешком». Возможно, нижеследующая история ходила среди монахов где-то в семнадцатом веке. Она свидетельствует о большом интересе, который был у них к взаимоотношению дзен и фехтования. Как указывает автор книги, эта история может быть и выдумана, но, как бы там ни было, факт, что фехтовальщики ее рассказывали, говорит о том, что они считали дзен невероятно таинственным и наделяющим практикующего чудесными силами.

Эта история взята из книги, скомпилированной в 1844 году Ми-намото Токусю, изданной в пяти выпусках и называемой Гэккек Содзи.

Это сборник разных историй о фехтовании, в нем повествуется о разных школах, их основателях и событиях, происшедших с ними. В конце семнадцатого и в восемнадцатом веке, к западу от Киото находилась школа Тэсин-рю. Основателем ее был Оцука Тэссин. Он очень любил фехтование и еще юношей стал выдающимся знатоком. Оцука очень гордился своим умением и, чтобы прославить свое имя, жаждал сразиться с другими искусными фехтовальщиками. Будучи в хороших отношениях с настоятелем близлежащего дзенского монастыря, он, перед тем как отправиться в путешествие, зашел к нему попрощаться. Настоятеля звали Рюко, он был известным учителем школы Сото. Когда Тэссин рассказал ему о своем намерении, настоятель посоветовал юноше не покидать провинции: «Мир, в котором мы живем, гораздо больший, чем ты себе представляешь, и там должны быть фехтовальщики куда искуснее тебя, поэтому твои приключения завершатся бедой или гибелью». Юноша, однако, упрямылся и не желал слушать своего наставника. Рико продолжал: «Взгляни на меня, я тоже желал большой известности в этом мире. И вот последние несколько десятков лет я практиковал медитацию здесь, а сколько учеников у меня теперь? Что касается тебя, то вряд ли кто-то назовет тебя своим учителем. Мы всегда должны знать, кто мы и всегда довольствоваться тем, что есть».

Это так рассердило Тэссина, что он воскликнул: «Так ты думаешь, что мой меч никуда не годится?! Разве можно сравнить фехтование с твоим занятием?! Если я выйду из своего округа, схвачусь с кем-нибудь хорошо известным в другой местности и побью его, тогда все будут об этом говорить — и его друзья, и ученики. Если я встречу еще одного человека в другом районе и одержу победу и над ним, слава моя будет расти, и я стану известен и там. Я уверен в своем мастерстве и не боюсь сразиться ни с кем!»

В ответ на такое самомнение Рюко мог только улыбнуться. «Знаешь что, — сказал он, — начни прямо с того, кто перед тобой. Если ты меня победишь, можешь отправляться в путешествие по всей стране. Если проиграешь, обещаю стать монахом и моим учеником». От души рассмеявшись, Тэссин сказал: «Может, ты и велик в своем дзен, но ведь ты не фехтовальщик. Впрочем, если хочешь попытаться удачи, я готов».

Рюко дал ему бамбуковую палку, которая валялась поблизости, а сам вооружился хоссу (короткой палкой с пучком из конского хвоста на конце. Ее обычно носят дзенские монахи. Первоначально она использовалась, чтобы отгонять комаров). Тэссин, полный уверенности в успехе, попробовал первым же ударом свалить на землю дзенского монаха. Но промахнулся. Противник был уже совсем в другом месте. Снова и снова он пытался попасть в цель и нанести удар, но было

бесполезно. А в это время конский хвост частенько шлепал его по лицу. «Ну, что ты теперь скажешь?» — спросил наконец Рюко. Тэссину нечем было хвастаться, и он скромно признал свое поражение. Не теряя времени, Рюко позвал своих послушников и они принесли все необходимое, чтобы обрить волосы Тэссина и сделать его таким же монахом, как и другие.

Минамото, автор сборника, комментирует: «Весьма вероятно, что эта история сфабрикована дзенцами. Если бы Рюко, помимо того, что был дзенским учителем, не занимался фехтованием, ему бы Тэссина никогда не победить, как говорится в этой истории. Иначе Тэссин ничего не смыслит в фехтовании.

Но верно, что во многом дзен и фехтование шли рука об руку. К примеру, когда говорится о том, что нельзя «оставить промежуток для волоска» или об искре кремня, ударяющего о сталь, — эти высказывания относятся как к дзен, так и к фехтованию, ибо ни одна школа не может игнорировать тренировку в мгновении реакции. Однако, как бы ни был хорошо подготовлен дзенский мастер, ему не выиграть схватку у полностью подготовленного фехтовальщика. Высокое мастерство фехтования требует овладения и техникой боя, и принципом. И духовная тренировка, и технические детали — все должно быть едино.

Думаю, что с профессиональной точки зрения идея Минамото правильна: реальная тренировка техники и принципа дополняют друг друга. Однако, есть по крайней мере одна школа, которая делает основной упор именно на духовной тренировке, хотя не отвергает и технику. Лидер этой школы Хори Кинтаю (1688-1755) хотел использовать фехтование, как способ помочь человеку в духовных достижениях и формировании характера. Его соображения рассмотрим с нескольких точек зрения, ибо они проливают свет не только на фехтование, но и на самурайство в целом. На Западе существует непонимание духа, функции и дисциплины самураев, которые были правящим классом Японии во времена феодализма и, особенно при режиме Токугава. Точка зрения Кимуры, развитая в Кэндзюцу Фусики Хэкэ, как ее подает Хори в своем рассуждении о фехтовании, может быть изложена примерно так:

Совершенный фехтовальщик избегает ссор и схваток. Схватка означает убийство. Как можно довести себя до того, чтобы убить ближнего? Все мы хотим любить друг друга, а не убивать. Мы нравственные создания и не станем опускаться до скотского состояния. Что толку быть прекрасным фехтовальщиком, если теряешь человеческое достоинство? Лучше всего быть победителем без схватки.

Меч — зловещее оружие, если он убивает при безвыходных

ситуациях. Используя его, делайте меч дающим жизнь, а не несущим смерть. Если человек родился в самурайской семье, он должен изучать фехтование, такова его профессия. Все дело в том, что фехтование надо использовать в изучении Пути (Дао). Правильно использованный меч поможет развить ваш дух.

Большое преимущество меча перед книгами в том, что одна ошибка позволит противнику сразу же нанести вам удар. Поэтому вы вынуждены быть все время начеку, и не только во время фехтования. Вы всегда должны быть правдивы по отношению к себе и не допускать праздномыслия. Думать, конечно, очень полезно, но бывают случаи, когда мысли мешают работе, когда их нужно отстранить и дать выдвинуться бессознательному. В таких случаях вы перестаете управлять своим сознанием и становитесь орудием в руках неизвестного. Неизвестное не обладает эгоистическим сознанием и не содержит мысли о победе, ибо действует в сфере недвойственности, где нет субъекта и объекта. Именно поэтому меч движется как должно и схватка оканчивается победой. Это практическое приложение Лао-Цзы о «деянии недеянием». Сун-пу — великий авторитет в военных искусствах — говорит: «Вовсе не самое лучшее побеждать в каждой схватке; самое лучшее — побеждать, не думая победить. Вот совершенная победа».

Быть бдительным — значит быть совершенно серьезным; быть совершенно серьезным — значит быть совершенно искренним с самим собой и эта искренность, в конце концов, ведет к раскрытию Небесного пути (Дао). Небесный Путь превыше «я», это мусин, «не-ум» или мунэн — «не-мысль». Когда мусин осознан, ум не знает препятствий и задержек, он свободен от мысли о жизни и смерти, достижении и потере, победе и поражении. Пока человек думает о том, чтобы победить врага, его ум полностью забит всякими схемами о том, как это сделать, но если враг лучше владеет техникой, или применит что-либо неожиданное, — а это вполне вероятно, — тогда схемы окажутся непригодными и человек, вооруженный этими схемами, погибнет. Если оба подготовлены одинаково, тогда схватка закончится взаимным убийством. Когда схема встречается со схемой, трудно предвидеть исход поединка. Итак, совершенный фехтовальщик выходит из двойственности, и тогда он уже не просто владелец меча.

Самурай носит два меча — длинный и короткий. Знать, как ими пользоваться — это и есть профессионализм. Самурай должен не только тренировать силу и думать о мече, который убивает, ибо ощущением силы всегда склонны злоупотреблять. Меч должен убивать эгоизм — корень всех ссор и сражений. Школа Дзягю дает возможность «одним глотком выпить воды Западной Реки», что является кульминацией тренировки фехтовальщика. Технические

детали должны подчиняться этому принципу, который определяет будущий духовный облик фехтовальщика. Школа, представляемая Хори Кинтаю, происходит из школы Дзягю Тадзима-но-ками, который связал все стадии тренировки фехтовальщика с тренировкой дзен-буддиста, как его учил Такуан. Ранее я уже говорил, что выражение «воды Западной Реки» взято из ответа Басе на вопрос мирянина Хо: «Кто тот, кто стоит одинокий среди ста тысяч объектов?» Не думаю, что все фехтовальщики, повторяющие это выражение, его понимали. Если судить по тому, что они об этом пишут, то боюсь, они «это» не пережили. В таком случае еще более интересно, что они как-то связывали «воды Западной Реки» с тем конечным принципом, который руководит неосознанными процессами фехтовальщика. Даже изучив все малейшие технические тонкости, фехтовальщик не может считаться совершенным, пока не погрузится глубоко в «воды Западной Реки» и не встретится с тем, «кто стоит одиноко среди ста тысяч объектов». Может быть, основным мотивом, который побудил Кимуру Кюхо, ученика Кинтаю, написать это короткое исследование о фехтовании и назвать его «Неизвестное в искусстве фехтования» было то, что в его дни, видимо, очень немногие из фехтовальщиков действительно понимали Басе.

Позвольте мне закончить цитатой, подводящей итог диалога Кимуры, — вернее, Хори.

Вопрос. Вы прекрасно сказали. Я с вами совершенно согласен. Но как приложить все это к практическим деталям искусства?

Ответ. Самое главное осознать, что все, что может быть выражено символами или словами — вторично, что это не более чем следы. Поэтому дзенские учителя отказываются считать литературу или слова окончательными. Важно достичь конечной субстанции посредством этих следов, букв или символов. Сама конечная реальность не есть символ. Она не оставляет следов и не может быть передана ни письменно, ни устно, но мы приходим к ней, прослеживая следы до их источника, из которого они происходят. Если мы остановимся на символах или умозаклключениях, нам этот принцип не осознать.

Вопрос. Когда мы отказываемся от символического языка или от умозаклчений, разве мы при этом не остаемся в абсолютном небытии вещей?

Ответ. Да. И это самое трудное в достижении осознания. Поэтому хороший тренер очень осторожно занимается с начинающим, чтобы упражнения в технике шли параллельно с пониманием принципа. Бывает, что человек за всю свою жизнь так и не постигает принципа. Главное — искать принцип не вовне, а внутри себя.

Вопрос. Но тогда в фехтовании нет тайной передачи?

Ответ. Самое последнее невозможно передать от человека к человеку. Оно у каждого находится внутри. Вся техническая дисциплина служит тому, чтобы фехтовальщик в конце концов это увидел. То же самое и вообще с обучением. В самой учености немного толку. Вы можете прочесть все, что написано о духовной тренировке и духовном достижении, но главное — осознать мистерию бытия. Осознание этой тайны возможно лишь в глубинах самого себя, извне его не получишь. Если осознание происходит извне, оно не ваше, а чужое.

Вопрос. А что вы можете сказать об этой тайне?

Ответ. Все, что я могу о ней сказать, это то, что я не знаю или что это непостижимо.

Вопрос. Значит, нам нужно оставаться невеждами?

Ответ. Нет, не значит. Это значит знать и не знать.

Вопрос. Почему?

Ответ. Ни почему. Это знать, как бы не зная. Все, что я могу объяснить, это вне знания (Фусихи или фури).

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 1

Один монах спросил Дасю Экая, одного из дзенских мастеров правления династии Тан, когда дзен был в расцвете:

—Что такое великая нирвана?

—Не связывать себя с кармой рождения-и-смерти — вот великая нирвана.

—А что тогда карма рождения-и-смерти?

—Желание великой нирваны и есть карма рождения-и-смерти. В буддизме противопоставляется нирвана и сансара (рождение-и-смерть). Нам говорят; чтобы достичь нирваны, нужно выйти за пределы сансары. Таким образом, первый ответ Дайсю вполне правилен, но его второй ответ ставит нас в тупик, потому что, если мы не желаем нирваны, как же мы заставим ее прийти к нам самой? Это кажется нелогичным. Поскольку нирвана — это что-то желаемое и всем буддистам советуют к ней стремиться, чтобы избежать пут сансары, которая является причиной всех наших страданий, то разве не логично желать нирваны и всеми способами достигать ее?

Каким образом желание нирваны может быть причиной кармических рождений-и-смертей?

Ответ Дайсю выглядит совершенно иррациональным. Вообще, дзенские мастера — наиболее иррациональные учителя, и они требуют от нас внести эту иррациональность в повседневную жизнь. Величайшая ошибка — мерить все прокрустовым ложем логики или считать ее мериллом человеческого просвещения. То, что в японском искусстве называется «ме» или «мею», появляется, когда рациональность вещей не оценивается. (Ме — нечто, вне понимания анализа, ю — движение или действие). Фактически, все оригинальные творческие произведения создаются бессознательным, которое выходит за пределы рациональных схем. Не только буддисты махаяны, но и философы — даосы выступают против интеллектуализации духовных тренировок. Поэтому дзенский учитель и заявляет, что нирвана достижима только тогда, когда ее не желают. Желать — значит делать выбор, а выбор производит интеллект, в то время как нирвана по ту сторону интеллекта.

В связи с этим можно привести цитату из Первого Послания к Коринфянам св. Апостола Павла: «И плачущие, как не плачущие, и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся». Итак, давайте желать нирвану, как будто не желая. Когда этот парадокс

постигнут, мы обладаем нирваной, будто не обладаем. Быть сознательно бессознательным или бессознательно сознательным — в этом секрет нирваны, из которой исходит мое творчество. Ме или мео означает «нечто, что бросает вызов препятствию сил человеческого мышления». Иными словами, это такая деятельность, которая исходит прямо из глубины каждой личности без помех все разделяющего интеллекта. Это действие происходит настолько прямо и незамедлительно, что интеллект не находит места, куда бы он мог влезть и разделить это целое на части.

Как говорил один дзенский учитель: «Когда ученик питает какую-то мысль о рождении-и-смерти, он идет по пути дьявола. Как только он отказывается от всех воззрений, он присоединяется к философам-мудрецам». Т.е., когда мы оставляем попытки интеллектуального понимания, мы выходим за пределы рождения-и-смерти и можем свободно работать в чудесной сфере Нерожденного, где художник может Проявить ме во всем его многообразии. «Точка зрения» или «мысль» — проявление интеллекта, и там, где она есть, Нерожденное или Несознательное встречается со всевозможными препятствиями. Вот почему дзенский учитель советует нам не придерживаться ни одной «мысли» и «точки зрения», отрицательной или утвердительной относительно рождения-и-смерти, так же как и нирваны. Интеллект используется для утилитарных целей, и творческая способность интеллекта может действовать лишь в этих пределах.

ГЛАВА 2

Нечто подобное происходит и в искусстве фехтования. Я называю это искусством, и это ужасное искусство, ибо за каждую ошибку здесь можно заплатить жизнью. Меч прямо перед вами, и он готов в любой миг повергнуть вас наземь. Если в буддизме мы говорим, что борьба происходит между идеями нирваны и сансары, то в фехтовании борьба происходит между жизнью и смертью. Борьба буддиста происходит больше в плане концепций, борьба фехтовальщика более реальна и остро переживается. Но если борьба переживается и понимается двойственно, тогда лучшим и единственным путем считают обычно выбрать что-нибудь одно и, не думая о последствиях, смело ринуться вперед. Но для фехтовальщика это, конечно, гибель. Пока мысль о смерти сидит в сознании фехтовальщика, она неосознанно и неизбежно будет вести в том направлении, которого он всеми силами пытается избежать. Другая возможность, если оставить выбор в стороне, это совсем отказаться от мысли остаться в живых после схватки. Ибо часто случается, что те, кто любит жить, теряют жизнь, а те, кто ненавидят ее, обретают ее, как сказали бы христиане. Но вот истина: «Вы можете что-то любить или ненавидеть, но любое из этих чувств, проникая в ум, будет неизбежно как-то окрашивать ваше сознание и подобное поведение отразится на вашем мече. Истинный фехтовальщик должен быть совершенным человеком в даосском смысле, и должен быть над жизнью-и-смертью, как буддийский философ над нирваной и сансарой».

Никакая борьба хорошо не кончится, пока не достигнут момент, где любая из сторон не может омрачающе влиять на другую. Не нейтральность, индифферентность, но трансцендентальность — вот что необходимо. Это цель фехтовальщика. Может показаться странным, что фехтовальщик хочет быть философом, но в Японии, как и в Китае, искусство — дело не технологии, а духовного прозрения, духовной практики. И фехтование не исключение.

Тот, кто преодолел границы двойственного представления о жизни-и-смерти, тот живет в подлинном смысле. Там, где есть мысль о жизни или смерти, отрицательном или положительном, там нет истинного пути. Когда фехтовальщик достигает недвойственного сознания, он становится «великим гением» или «совершенным человеком» в искусстве фехтования.

Сам фехтовальщик может и не желать для себя вечной жизни или бессмертия, но должен надеяться, что его меч будет полон жизни,

чтобы он смог проявить все тайное ме²³, доверенное ему, ибо жизнь фехтовальщика целиком от этого зависит, хотя и не принадлежит ему. До тех пор, пока человек прибегает к приобретенной технике, чтобы нанести поражение противнику, ему придется неотрывно следить за каждым движением меча противника. Это приведет его в конце концов к «остановке ума», какой бы краткой она не была. Надо сохранять свой ум в постоянной текучести так, чтобы ударить врага в тот миг, когда он допустит «суки»²⁴, т.е. прилипнет к мечу взором.

Это прилипание и есть «остановка», а остановиться хоть на мгновение, — значит, дать врагу возможность нанести удар. Это и есть суки. Суки буквально значит «интервал расслабления». В борьбе не на жизнь, а на смерть, человек испытывает величайшее напряжение, и миг расслабления влечет за собой смертельный удар.

То, что можно назвать «физической остановкой», исходит из гораздо более глубокого источника. Достаточно малейшего ощущения страха смерти или ничтожнейшей привязанности к жизни — и ум теряет свою текучесть. Текучесть — это беспрепятственность. Если ваш ум лишен страха, свободен от всех форм привязанности и является сам себе хозяином, тогда он не знает препятствий, промедления, остановок и

23 *Мею, дайю или просто ме — эти слова очень трудно понять людям англоязычной культуры. Это определенное художественное качество, его можно воспринять не только в произведениях искусства, но и во всем, — в Природе и Жизни, меч в руках фехтовальщика обретает это качество, когда он не просто выявляет техническую умелость, приобретенную в результате терпеливых занятий под руководством опытного учителя, мастера фехтования; ибо ме — это нечто оригинальное, изначальное и творческое, и оно возникает у каждого из его собственного неосознаваемого. Руки могут двигаться согласно такой технике, которой обучили фехтовальщика, но когда техника, обобщенная в правилах и универсальная, претворяется рукою мастера, тогда и возникает непосредственность и личное творчество. Ме можно отнести и к уму, и к инстинктивной деятельности разных животных: так, например, бобер строит свой дом, паук тклет свою паутину, муравей создает свой замок. Все это чудеса природы. Фактически ме похоже на вселенную. Вселенная же, — это проявление ума Мастера, и мы, люди, одно из чудесных его достижений. Пока мы до предела напрягаем свой ум, мы лишь временные существа, далеко превзойденные самой Природой с ее неисчерпаемой ме. Пробуждение сознания было величайшим событием в ходе эволюции. Благодаря его практическому приложению, мы смогли проникнуть в секреты Природы и заставить их служить нашему образу жизни, но в то же время мы утерjali многое, чем так щедро наградила нас Природа. Мне кажется, что функция человеческого сознания в том, чтобы все глубже и глубже погружаться в свой источник — неосознаваемое. У неосознаваемого есть слои разной глубины: биологический, психологический и метафизический. Одна нить пронизывает все эти слои, и озенское учение заключается в том, чтоб ухватить в целостности все эти уровни. Некоторые искусства, как, например, фехтование или чайная церемония, не учитывая этого, обретают лишь часть этой нити, ибо не учитывают вышеизложенного подхода к своей деятельности.*

24 *Суки — «пространство между двумя объектами» или «щель, трещина в одном предмете». Когда непрерывность прерывается и появляется разрыв — это суки. Когда напряжение падает и появляются признаки расслабления — это суки, т.е. «останавливание». В этот миг появляется возможность нанести удар. На автопортрете Миямото Мусаси (великого фехтовальщика и художника 17 в.) его поза полна суки, дабы ввести противника в заблуждение и повергнуть его, когда он поверит в это. Это называет «открытый со всех сторон», (хашию бираки).*

увязания. Тогда он следует своим путем, как вода. Он, как ветер — дует, куда пожелает. Его можно уподобить и кругу с центром где угодно, ибо у него нет окружности, нет и центра. Онтологически, буддийские философы называют это состоянием пустоты (шуньята). Художники могут и не достигать этой высоты сознания, которая не является сознанием в обычном смысле. Но они должны испытать нечто сходное с этим, не вполне это сознавая. Когда фехтовальщик, подобно тому, как это делают дзенские мастера, сравнивает свое искусство с отражением луны в воде, он передает свое состояние неосознаваемого, в котором держит свой меч, будто не держит, и фехтует, будто не фехтует.

С духовной точки зрения, это состояние не-эгоизма или отсутствия «Я», Именно это противостоит всему, что приходит извне. Именно эта жесткость не дает нам принять все, с чем мы встречаемся и что нам противостоит. В детях явственно преобладает бессознательное, что их выгодно отличает от нас. В нас преобладает интеллект, который выбирает и решает, и эти его качества отвращают нас от «да будет так». Без чувства эго или «я» — нет моральной ответственности, но божественное превосходит мораль. Так и искусство. Оно пребывает в абсолютной свободе, но там, где нет свободы — нет и искусства. Свобода, творчество, мею — это синонимы. Таково и искусство фехтования. Пока фехтовальщик не достиг состояния свободы, в котором нет жесткого эго, у него не будет меча, который дает жизнь, а будет лишь оружие для убийства.

Меч в основном ассоциируется с убийством и большинство людей недоумевают, что у него общего с дзен, одной из школ буддизма — несущей любовь и милосердие. Искусство фехтования различает меч, несущий жизнь, от меча, который несет смерть. Меч, используемый владельцем только в техническом аспекте, дальше убийства не идет, ведь его используют только тогда, когда собираются убивать. И совсем другое дело там, где вынуждены поднять меч. В этом случае не человек убивает — меч. Такой человек никому не желает вреда, но появляется враг, и тогда меч автоматически исполняет функцию справедливости, а это есть функция милосердия. С таким мечом прошел среди нас Христос. Такой меч не для того, чтобы нести покой, слезливо лелеянный сентиментальными людьми. Таким мечом совершил самопожертвование мастер чайной церемонии Рикю. Этот меч Ваджрараджи рекомендовал дзенцам Риндзай (Линь-Цзы)²⁵.

25 Риндзай Гигэн (Линь-Цзи И-Сюань) (умер в 867 г.) разделял четыре вида «кацу» (по кит. «хой»), одно из них уподобляется священному мечу Ваджрараджи, который разрушает и уничтожает все двойственное, что оказывается перед ним.

Этим мечом Вандзян Ходзяку²⁶ размахивал бы независимо от его применения. Когда меч призван играть такую роль в жизни человека, он уже не средство самозащиты и не оружие убийства, фехтовальщик при этом превращается в высочайшего художника, создающего произведения подлинной оригинальности.

26 Вандзян (8 в.) — в одной из своих проповедей сравнивал дзенскую ненамеренную (бесцельную) активность с вращением меча в воздухе (Донтороку — «Передача светильника»).

ГЛАВА 3

Может возникнуть вопрос: как это меч, который служит убийству, может убивать сам по себе, а не по приказу того, кто держит меч? Как неодушевленное, механическое орудие может создать подлинно самобытное творческое произведение? Когда он выполняет возложенную на него функцию, можем ли мы называть его чем-то оригинальным?

Дело в том, что, если меч находится в руках лишь технически совершенного фехтовальщика, тогда он только инструмент и никаким собственным умом не обладает. И то, что он делает, он делает технически, поэтому никакого мею в нем нет. Когда же меч в руках духовно совершенного фехтовальщика, который держит его так, будто не держит — тогда меч отождествляется с самим человеком, он обретает душу и движется со всем искусством, присущим ему, как фехтовальщику. Человек освобождается от всех мыслей, всех чувств, порождающихся страхом, от всей своей неуверенности, от желания победить. Человек начинает не осознавать как он действует мечом; и человек и меч, если так можно высказаться, соучастники неосознаваемого и именно неосознаваемое может создать чудо творчества. Именно тут фехтование становится искусством.

Когда меч неотделим от человека, он становится продолжением его рук, частью его тела. Более того, тогда не разделяется ум и тело, как это бывает, когда мы рассуждаем, Тело и ум двигаются в полном согласии без помех интеллекта и эмоций. Исчезает даже различие между субъектом и объектом. Движения противника, как таковые, тоже не воспринимаются, и так называемый субъект отвечает на то, что ему диктуют обстоятельства. Он не осознает, как ему отвечать. Обо всем автоматически заботится его неосознаваемое, мгновенно реагируя на все происходящее.

Фехтовальщик называет это неосознаваемое «умом не-ума» (мусин но син) или «умом, который не знает остановок» (тамарану кокоро) или «умом покинутым и непокинутым» (сутэту сутэпу кокоро) или «обыденным умом» (хэйдзе сик). Секрет фехтования состоит именно в достижении этого состояния ума или состояния духа, потому что это состояние выходит за пределы чисто психологических состояний.

Дзягю Тадзима-но-ками Мунэнори (1571-1616), один из величайших фехтовальщиков за время существования этого искусства, обучал Токугава Иэмицу (1604-1651) — третьего сегуна правления Токугава. Сам Тадзима-но-ками изучал дзен у Такуана (1573-1645) и включил в тренировку фехтовальщика многие элементы учения дзен. Он говорил, что последняя ступень овладения искусством фехтования — это состояние ума не-ума. «Не-ум» (мусин) по существу значит

«обыденный ум» (хэйдзе син), и, когда он достигнут, то задача выполнена. В начале каждый пытается овладеть только мечом, причем как можно лучше. Это естественно. Техникой овладеть необходимо, но пока ум хоть на чем-то фиксирован, пока фехтовальщик стремится все совершить на высшем уровне или проявить свое искусство, или превзойти других, или слишком беспокоится, как он продвигается к мастерству, — он будет совершать гораздо больше ошибок. Почему? Потому что его самосознание или эго-сознание слишком подозрительно наблюдает за полем его внимания, а это препятствует свободному проявлению мастерства, которого он достиг. Он должен избавиться от жестокого само- или эго-сознания и положиться на естественный ход событий, ибо все, что необходимо, должно быть сделано, потому что ничего особенного, по сути дела, и не предстоит сделать. Когда все совершается в состоянии не-ума или не-мысли, т.е. отсутствуют все формы само- и эго-сознания, тогда действующий совершенно свободен от всех помех и ничто не нарушит линию его поведения. Если он стреляет из лука, он просто снимает лук, накладывает на него стрелу, натягивает тетиву, прицеливается и, когда чувствует, что все в порядке, дает стреле лететь. Он не чувствует, что совершает что-то особенно хорошее или особенно плохое, важное или самое обычное. Это подобно тому, что, услышав звук, повернуться и увидеть во дворе птицу. Это и есть «обыденный ум». Даже в смертельной схватке фехтовальщик сохраняет такое состояние ума. Он забывает серьезность ситуации, не думает о жизни и смерти. Он есть «не-движимый ум» (фудо-син). Фудо-син подобен луне, отраженной в потоке. Вода потока находится в движении, но луна сохраняет свое спокойствие. Ум движется в ответ на десять тысяч ситуаций, но остается тем же самым. Это вершина искусства. Все интеллектуальные схемы, все, что искусственно, в бою не должно, существовать.

Дзягю Тадзима-но-ками приводит в связи с этим слова мирянина Хо Кодзи: «Подобно деревянной лошади перед цветами и птицами». Это и есть состояние мусин (не-ум). У деревянной лошади нет ни ума, ни чувств, и когда она смотрит на цветы или слышит пение птиц, она совершенно неподвижна. Человек вовсе не похож на деревянную лошадь. У него есть чувства, он подвержен множеству самых различных воздействий, но если его движения вызываются внешними причинами, если он управляется извне — тогда с ним все кончено. Даже в схватке за жизнь фехтовальщик должен оставаться самим собой, быть господином самому себе. Как деревянный конь, он должен быть нечувствителен ни к чему вокруг.

Однако, не следует думать, что Дзягю Тадзима-но-ками ставит в пример нечувствительность лошади и деревянного петуха, чтобы мы дошли до полной умственной атрофии или недоразвитости ума.

Напротив, он хочет, чтобы наш ум вернулся к своей природной чистоте, совершенно освободился от всех психических блоков, от всех помех, и до предела раскрыл все, чем он обладает. Фехтовальщику нужно научиться владеть собой так, чтобы акт видения моментально превращался в действие. Восприятие и действие сливаются в единый процесс. Тадзима-но-ками считает, что видение должно сначала возникнуть в уме, оттуда оно передается глазам, и затем туловищу и конечностям. Вот тогда видеть и значит действовать. Если не глаза, а сам ум в глубине первым открывает или схватывает движения противника, тогда тело не теряет времени, чтобы приспособиться к обстоятельствам. Впрочем, современные психологи и врачи описывают процесс зрения совершенно по-иному, т.е. сначала внешний мир воздействует на наши органы восприятия, а затем уже полученный импульс передается дальше в глубь. Но для фехтовальщика в смертельной схватке, когда все решает одно мгновение, этот путь слишком извилист. И нам нет нужды заниматься интеллектуальными фокусами ума.

Это напоминает совет Чжуан-цзы, в котором он говорит о воздействии ума ((син-сай), гл.4 стр. «Среди людей»). Сначала он говорит о целостном состоянии и затем продолжает: «Когда слушаешь, слушай не ушами, а умом (кокоро, син); не умом, но Ци (духом). Когда слушаешь ушами, там слышимое и застревает, и ум дальше знака не идет, а Ци — это нечто пустое. Дао пребывает в пустоте, а пустота есть воздержание ума».

Янь Юань спрашивает у Конфуция:

— Уже несколько лун я не пил вина, не ел мяса и скромных овощей. Можно ли считать, что я постился?

— Таково воздержание перед принесением жертв, а не перед размышлением.

— Позвольте спросить тогда, что же такое воздержание перед размышлением?

— Это значит, — ответил Конфуций, — сосредоточить свою волю на одном, слушать не ушами, а сердцем, не сердцем, а духом. Когда перестанешь слышать ушами и откликаться сердцем, душа очистится и будет готова воспринимать вещи. Такой путь будет стекаться в пустоту. Достижение пустоты и есть воздержание ума перед размышлением.

— Пока я, Хой, не воспринял этого наставления, существовал только я, Хой. Лишь начал его применять, меня, Хоя, не стало. Можно ли считать, что я достиг пустоты? — спросил Янь Юань.

— Да, полностью, — ответил учитель. — Теперь я тебе позволяю войти в клетку Царя и в ней разгуливать, оставаясь равнодушным к

царской славе. Станет слушать — пой, не станет — умолкни. Существой без покровителей и без ненавистников, как бы вынужденно поселись в том же доме. Это почти то, что нужно.

Ци — трудно перевести на английский язык. Это слово означает что-то неосязаемое, что пронизывает всю Вселенную. С одной стороны это соотносится с духом (пневма), это дыхание неба и земли. Когда Чжуан-Цзы определяет «воздержание ума», как видение и слышание посредством Ни, он отражает здесь устремление эго-сознания на самого себя, ибо, пока в уме есть хотя бы одна мысль (ити-нэн или и-нен) о себе, она занимает весь ум, она заграждает текучее движение и создает суки. Этим моментом враг не преминет воспользоваться. «Воздержание ума», о котором пишет Чжуан-Цзы, выходит за пределы искусства фехтования. Чжуан-цзы сознает пустоту (ке)²⁷, в которой заключены неограниченные возможности. Не многие фехтовальщики пережили этот источник всех вещей. Однако, тот, кто глубоко проникает в тайны своего искусства, может притронуться и к основам самой реальности. Разница между озарением фехтовальщика и озарением дзенского учителя в том, что фехтовальщик ограничен спецификой своего искусства, а озарение дзенского мастера покрывает всю целостность существования, потому что в его основе лежит особая дзенская практика.

27. Это относится к буддийской идее шуньяты (пустоты), которую представляли себе Лао-Цзы, Чжуан-Цзы и другие даосы. Однако, даосские представления о пустоте содержат в себе элементы относительности и не достигают тех глубин, которых достигают буддисты.

ГЛАВА 4

В связи с вышеизложенным интересно процитировать работы Дзягю Тадзима-но-ками о фехтовании²⁸, которые дают возможность понять философию и психологию этого искусства. Автор глубоко проникает во внутренний опыт своей профессии и показывает, как можно проникнуть в духовное начало этого искусства, ибо оно не просто сумма или система технологий. Владеть мечом — значит не только сражать им врага. Владение мечом связано с деятельностью Дао и гармоническим воздействием Инь и Ян в их космическом движении. Метафизика является неотъемлемой частью фехтования.

Дзягю Тадзима-но-ками был хорошим учеником дзенского учителя Такуана, а тот хорошо наставлял его о духовной стороне фехтования. Согласно Такуану, это искусство нельзя понять до конца, пока в результате тренировки не проникаете в систему буддийской практики и мировоззрения. Таким образом, описание Дзягю перекликается с уже процитированной точкой зрения Такуана. Это подтверждается и тем, что Дзягю делит свое исследование на три части, озаглавленные терминами, часто использующимися в дзенских текстах, особенно в таких как «Собрание Синей горы»: «Меч, который убивает». «Меч, который дает жизнь» и «Меч не-меча». Часть первая повествует в основном о технике фехтования, часть вторая касается мистической стороны дзен, ведущей к конечной стадии, и третья передаёт понимание автором дзенского опыта в приложении к искусству фехтования.

ДЗЯГЮ ТАДЗИМА-НО-КАМИ О «МИСТИЧЕСКОМ МЕЧЕ».²⁹

Всякое оружие, которое служит для убийства, сулит недоброе, и им можно пользоваться лишь в случае крайней необходимости. И если оружием все-таки приходится пользоваться, то лишь для наказания зла, а не для того, чтобы лишить кого-нибудь жизни. Чтобы понять это, нужно учиться. Но одного учения недостаточно. Учение лишь двери к учителю. Учитель есть Дао (Путь и Истина). Дао превыше любой

28 Была написана автором в 1632 г. и посвящена его сыновьям. Манускрипт был передан им как тайна, которую необходимо сохранить. В 1917 г. Фукуи Кюдзо опубликовал часть подобных манускриптов.

29 Я привожу части из текста Дзягю о свободной интерпретации, не взирая на его подразделения, чтобы продемонстрировать философию и понимание. Оригинал слишком длинный и там много трудной терминологии, далекой от современной мысли и трудно выразимой на европейских языках. Любой перевод такой литературы всегда представляет интерпретацию автора. В основном по этой причине я и не отделяю слова Дзягю от своих собственных. Они безнадежно смешаны. Надеюсь, что когда-нибудь кто-то напишет о психологии дзен в отношении к разным видам искусств, развитых на Дальнем Востоке.

учености, но без учености никто не достигает непреложного Дао. Дао достигается, когда ум совершенно опустошен от вводящих в заблуждение мыслей, от завлекающих чувств. Когда Дао осознано до конца, вы приобретаете всезнание, но оно не препятствует вам жить в Дао. Ибо ученье и знание должны быть, в конце концов, «забыты» и, когда вы сознаете это, вот тогда вы можете заниматься любым делом без всяких помех. Пока у вас есть чувство, что вы что-то упускаете или чем-то связаны, вы будете поглощены чувством неудовлетворенности («опутанности»), и вы несвободны.

Когда жизнь человека только начинается, он не ведает ни о чем, и у него нет сомнений, препятствий и тормозов. Но потом он начинает учиться и становится робким, предусмотрительным, осторожным, в голове у него появляется торможение, и оно не дает ему двигаться вперед так, как это он делал раньше, до обучения. Учение необходимо, но весь секрет в том, чтобы не стать его рабом. Нужно стать его господином и пользоваться им тогда, когда оно нужно. Этот взгляд следует распространять и на фехтование. Фехтовальщик должен сохранять свой ум от всего внешнего и лишнего, его ум должен быть совершенно свободен от эгоцентризма и эмоций. Когда фехтовальщик достиг этого и ум «потерян», тогда дьяволу за ним не уследить. Только тогда фехтовальщик сможет до конца раскрыться, как мастер. Но можно пойти и дальше, забыв все, чему учился. Теперь вы изучаете себя, и тут уж нет разделения на того, кто изучает, и того, кого изучают. Действительно, конечная цель овладения искусством есть тот момент, когда достигнутые познания есть потерянные познания.

Однако, как бы ни был фехтовальщик тренирован, он никогда по-настоящему не овладеет техническими навыками, пока не избавится от всех психических затруднений и не сможет удержать свой ум в состоянии пустоты, забыв о всей изученной технической премудрости. Только в этом случае его тело сможет проявить все, что накоплено за годы тренировок. Его туловище, его руки и ноги будут двигаться сами по себе, автоматически, без всяких сознательных усилий фехтовальщика. Тогда его действия будут совершенным образцом фехтования. Это совершенная тренировка, но ум о ней не имеет представления. Можно сказать, что ум не знает, где он. Когда это осознано, когда это станет реальностью, вся тренировка брошена на ветер. Ум совершенно не осознает своих действий. «Я» исчезло неизвестно куда. Вот где искусство фехтовальщика достигает совершенства, и тот, кто этим обладает, зовется мэйдзин (гений).

Дзягю Тадзима-но-ками далее повествует, как избавиться от определенных «болезней», во имя достижения совершенства в фехтовании. Изучение техники фехтования соотносится с обучением философии и мировосприятия дзен, однако, достигнутый в этом

уровень все равно не покрывает всего учения в целом — ни в дзен, им в фехтовании. Для этого необходимо достичь конечной реальности, т.е. Пустоты или Абсолюта. Абсолют выходит за все пределы относительности. В фехтовании вся техника должна быть забытой, Неосознаваемое предоставлено само себе, и ему же препоручена вся ситуация. Только при этом условии техника будет совершать чудеса автоматически и спонтанно. Так же и с концентрациями в дзен, в любой форме. Их нужно выбросить из головы, когда раскрывается путь Пустоты, освещая мир множества. Только поэтому мы утверждаем, что дзенский принцип проникает во все искусства Японии. Личное переживание внутреннего смысла во всяком искусстве — это все, но и технику не следует отвергать, в конце концов, она вторична. «Болезни», которые перечисляет философ фехтования, встречаются в любом виде искусства и значение их очень поможет в понимании всей японской культуры.

Любая идея, какой бы она не была ценной или желанной, становится болезнью, когда ум ею одержим. Болезни или навязчивые идеи, от которых должен избавиться фехтовальщик, следующие:

- 1) желание победить,
- 2) желание прибегнуть к техническим трюкам,
- 3) желание продемонстрировать все, что выучил, все, что знаешь,
- 4) желание держать противника в страхе,
- 5) желание играть пассивную роль,
- 6) желание избавиться от болезни, которой, вероятно, подвержен; одной из выше перечисленных.

Если фехтовальщиком овладела хотя бы одна из этих идей, он теряет свободу и становится ее рабом, а это крайне не желательно в его профессии.

Так как же нам избавиться от этих болезней или навязчивых идей? Если любое желание, даже желание освободиться от всех желаний, препятствует спонтанной активности внутренней гармонии — что же нам делать? В некоторых ситуациях желание просто необходимо, иначе ничего не достичь; иногда следует желать и безжеланности. Так как же разрешить эту дилемму? Клин клином вышибают, но как избавиться от второго клина, если не третьим? Это может продолжаться до бесконечности, если мы не откажемся от желания выбивать последний клин. Такова «болезнь», от которой Дзягю Тадзима хочет избавить фехтовальщика. Ни одного мгновения не будет фехтовальщик без болезни, потому что желание быть без болезней уже есть болезнь. Это погоня за собственной тенью — как быстро за ней не беги, все равно, пока жив, не догонишь.

И в дзен та же проблема. До тех пор, пока есть желание избавиться от всех привязанностей, избавиться от них невозможно. В логике это

желание может быть выражено неким заявлением, положительным или отрицательным. К примеру, можно сказать: «Я хочу это» или «Я этого не хочу». Хотеть — это привязанность, не хотеть — то же привязанность. Быть непривязанным, значит быть свободным от всех заявлений, позитивных и негативных. Иными словами, это быть одновременно в «да» и «нет», что с точки зрения формальной логики и рассудка совершенно невозможно и абсурдно. Дзенский учитель поднимает палку и спрашивает: «Я не называю это палкой, а ты как назовешь?» Или он может сказать так: «Я держу лопату и все же с пустыми руками, ибо так достигаю переворота души». От учеников требуется постижение этой невозможности.

В помощь разрешения этой вечной дилеммы Дзягю Тадзима цитирует старое дзенское стихотворение:

*Это ум вводит в заблуждение ум,
Ибо нет иного ума.
О, ум, не давай себя
Обманывать уму.
Кокоро косо
кокоро маевасу
Кокро нарэ;
кокоро ни,
кокоро,
кокоро юрису на.*

Фехтовальщик-философ не раскрывает значение этих слов для непосвященных. Он различает два вида ума — истинный или абсолютный ум, и ум фальшивый или относительный. Один из них является предметом психических штудий, а другой есть сама реальность, которая служит основой всех реальностей. Истинный ум необходимо охранять от фальшивого, чтобы его чистота и свобода были незапятнаны, незатронуты. Желание, возникшее в фальшивом, относительном уме может проникнуть и в истинный ум. Тогда надо его пересмотреть. Но кто будет за ним наблюдать, кто будет его пересматривать? Вот этот самый фальшивый,— он загрязняет, он и очищает. Ибо ум истинный всегда останется чистым и не оскверненным. Действительно, это очень странное переживание. Лучше сказать, что это совсем неожиданно для интеллекта. Это нечто неизбежное в языке, с чем интеллект ничего не может поделать, ибо это в самой природе интеллекта — создавать противоречия и безнадежно оплакивать свою судьбу. Пока мы пользуемся языком, так или иначе мы чувствуем в себе какую-то трещину, противоречие.

«Почему» — слово полезное лишь в мире относительного, где цепь причин и следствий имеет какое-то значение для человеческого интеллекта. Если мы хотим его преодолеть, этот вопрос не имеет смысла. Плотная масса облаков, — никто не знает, как она появляется в синем небе и, расплываясь, покрывает его целиком, совершенно закрывая от нас небо. Но мы таим желание проникнуть сквозь преграду облаков, мы снова жаждем синего неба. Выходит, мы считаем, что облака и небо как-то соотносятся, хотя, на самом деле, никакой причинной связи между ними нет. Мы как-то различаем существование, присутствие облаков наряду с синим небом; как-то мы видим присутствие неба под облаками или среди них. Тогда облака уже не облака, т.е. они облака, но они уже не беспокоят нас, как таковые, как нечто, прикрывающее синее небо. Тогда мы спокойны, принимая все как есть, и чувствуем себя совершенно спокойно и свободно от уз, налагаемых на нас собственным неведением. «Почему» теряет свой смысл, противоречий больше нет, и мы счастливы, потому что рабство сброшено, и радуемся свободе и внутренней гармонии под синим небом, которое для всего нашего знания — сокровищница неограниченных возможностей, т.е. источник творчества. Синее молчаливое небо — образ ума. И все же остается старый вопрос: «Как добраться до синего неба?» Если оно есть, то где этот путь, ведущий к нему? Мы пользовались словами, но наш интеллект это удовлетворить не может. Нам необходимо помнить, что интеллект не может заменить сам себя. Сам интеллект поднимает вопрос, но не интеллект отвечает. Жизнь разрешает все вопросы или праджня-интуиция, зрящая в жизнь. Все сообщение, которое исходит из источника, не может быть описано «определенно». То же и в исследовании Дзягю Тадзима-ноками. Для новичков, которые особенно напуганы интеллект — это непостижимо. Дзягю просто говорит, что тот, кто продолжает учиться и дисциплинировать себя, желая избавиться от болезней и обретая достаточный опыт в практике, у того болезни уйдут сами. Он даже не заметит — как. Дзен в таких случаях использует термин «куфу» (по кит. «кун-фу»). Это синоним дисциплины и тренировки (сиге). Куфу означает — «усердно заниматься, чтобы открыть путь к объективному». Это похоже на блуждание в темноте — ничего определенного не разберешь, только потеряешься в тумане. Боюсь, что дальше этого не может повести своих учеников ни один учитель дзен, или учитель фехтования. Он их ведет, пока можно вести, а остальное — это дело их собственной изобретательности. Если бы дело было в интеллекте, то пути к цели могли бы быть «окончательно и определенно» предписаны раз и навсегда. Но когда дело касается личного опыта, собственных переживаний, тогда все, что может сделать учитель — это дать ученикам понять, что они во тьме лабиринта, и

единственное, на что они могут уповать, это то, что лежит гораздо глубже интеллекта и этого у других не занять. Путь к объективному — это тот самый объект, о котором они раньше думали, что он находится где-то в стороне от пути. «Искание» или «желание» — это, конечно, необходимая первоначальная ступень, но она не ведет куда-нибудь вовне, она ведет внутрь ищущего или желающего. Искание и ищущий, желание и желающий — одно. Тогда, естественно, не может быть никаких указательных интеллектуальных знаков. Когда путь и ищущий — одно, то чем может помочь посторонний? Указания интеллекта и логики — это не более чем указания постороннего наблюдателя. Праджня, мудрость, интуиция и личный опыт — одно.

Дзягю Тадзима иногда называет ум «Мечом Тайны» (симме-кэн). Как фехтовальщик, он подчеркивает активность меча, а не его вещественность. Он хочет видеть его движущимся функционально; когда меч в его руках, он представляет собой центр круга, не имеющего окружности. Он готов и утверждать себя и отрицать. Отрицать — это небытие, утверждать — бытие. Меч может быть и тем и другим, в зависимости от ситуации, в которую попадает. Обыкновенные люди всегда односторонни. Когда они видят отрицание (небытие), они предпочитают видеть утверждение (бытие), когда видят утверждение (бытие), хотят видеть отрицание (небытие). Но опытный фехтовальщик сразу видит обе стороны, он воспринимает отрицание не как отрицание, а при этом включает для себя и утверждение. И то же с утверждением. В этом Тайна.

Дзягю-философ теперь обращается к Лао-цзы и дает свою интерпретацию: «Там, где вечное пребывает в состоянии небытия, мы видим тайну бытия; там, где вечное в состоянии бытия, мы можем видеть пределы небытия». Этим, говорит Дзягю, Лао-Цзы хочет показать взаимопроникновение бытия и небытия. Бытие не остается как таковое и, соответственно, небытие. Оба они готовы переходить из одного состояния в другое. В этом «текучесть» вещей, и фехтовальщик должен быть всегда начеку, чтобы встретить взаимопревращение противоположностей. Но, как только ум приостанавливается на одной из противоположностей, он теряет свою текучесть. Фехтовальщик должен всегда держать свой ум в состоянии пустоты, чтобы не возникало препятствий свободе его действий. Текучесть и пустота — это взаимобратимые термины.

Когда никаких препятствий не существует, движение фехтовальщика подобно вспышкам молнии или зеркалу, отражающему в один миг все, что появляется перед ним. Между этим движением и другим не должно быть ни малейшего интервала. Когда ум испытывает хотя бы немного сомнения, хоть малейшее чувство страха и неуверенности, это сразу же скажется на движениях фехтовальщика и повлечет за собой его гибель.

Когда «меч тайны» вне своего изначального «места», никакое ме (мею) не проявится.

Этот меч стоит символом невидимого духа, поддерживающего полную активность ума и тела. Но мы никогда не можем его сосредоточить его в какой-то ограниченной части тела. Он подобен духу дерева. Если у дерева не будет этого духа, не будет ни набухших почек, ни распускающихся цветов. Его можно сравнить с духом или энергией (ки, ци) неба и земли. Если этого духа не будет, не будет грома и молнии, ливней и дуновения ветра. Хотя дух этот бесплотен и его не пощупаешь, он, вне всякого сомнения, контролирует наше существование. «Меч Тайны» должен занять место этого духа и взять на себя контроль каждого мгновения в происходящем, в том, что может случиться вовне. Для этого меч должен стать чрезвычайно подвижным, ни на мгновение не должно возникнуть «остановки». Как только луна появляется из-за туч, — не теряя ни мгновения, она отбрасывает свое отражение всюду, где есть вода, не зависимо от размера водной поверхности. И расстояние от луны до земли — не препятствие для лунного света. Таким же должен быть дух фехтовальщика. Вести себя так в любой ситуации, которая встретится в жизни, очень трудно. В любой ситуации, при любых обстоятельствах, встречаясь со всеми сложностями человеческих отношений, проникая в них, вращаясь в них, так трудно не слиться ни с одной, не стать рабом обстоятельств. Однако, дзенский мастер прошел через все стадии тренировки, он свободен от препятствий своей психики (от всех привязанностей). И как бы это ни было трудно, все зависит от самого фехтовальщика. Держа в руках свой меч, он может находиться в состоянии полной духовной свободы и непривязанности. Он может и не распространять свой опыт фехтовальщика на другие виды искусства, но в фехтовании он должен быть мастером самого себя, сам себе господином. А те, кто может и готов опыт своей профессии перенести на любую другую деятельность, обретают ум «повсеместной текучести». Такие люди редки. Большинство же — специалисты в своей узкой области. Во всех случаях главное — уловить изначальный ум истины и единства, который не знает ошибок, а остальное пойдет само собой.

Из этого длинного пересказа философских замечаний Дзягю Тадзима о мече мы видим, насколько глубоко метафизики дзен проникли в фехтование. На Западе могут удивляться — как дзен так тесно связан с искусством убивать? Ведь дзен — форма буддизма, а буддизм, по существу, религия сострадания. Как же дзен может одобрять ремесло фехтовальщика? Такую критику мне нередко приходится слышать от западных читателей моих книг. Но теперь, я надеюсь, они поймут, какова основа фехтования и что у нее общего с дзенской тренировкой. На Востоке большинство из тех, кто изучает

какое-либо искусство, всегда подчеркивает важность «субъективной» его стороны, считая технику искусства второстепенной. Хотя каждое искусство самоценно и обладает значением в самом себе, японцы стараются использовать его для развития собственного духа. Высшая цель на пути искусства — осознание и реализация Дао или Небесного Смысла, Причины Универсума, Небесной Природы человека, пустоты или таковости вещей. Таким образом, меч уже не оружие, чтобы убивать без разбора, он — один из путей, на котором жизнь открывает нам свои тайны. Поэтому Дзягю Тадзима-но-ками и другие учителя фехтования, по сути — великие учителя жизни.

ГЛАВА 5.

Чтобы еще лучше разъяснить взгляд Дзягю на отношения дзен и фехтования, я здесь резюмирую его философию и добавлю к этому трактат Такуана «Меч Тайны». Такуан, как мы уже говорили, помогал своему ученику-фехтовальщику понять значение дзен для открытия глубочайших тайников человеческой души. Хотя я и не думаю, что сам Такуан был фехтовальщиком, но он очень глубоко понимал принцип фехтования. И без сомнения, дальше всех по стопам учителя пошел Дзягю Тадзима-но-ками.

По-моему, в философии Дзягю есть пять ключевых моментов, знакомство с которыми позволит нам понять секреты его мастерства.

1. Дзягю называет это Сюдзи-сюри-кэн. «Кэн» — это меч, остальное зашифровано, и он намеренно отказывается это объяснять. В этом — средоточие его искусства. Хотя понять точный смысл невозможно, однако, вероятно, меч Сюдзи — сюри соответствует «мечу тайны» Такуана.

Дзягю, видимо, ведет речь о психологии, когда заставляет свой меч видеть и видимое, и невидимое — и притом одновременно. Ибо видимое и есть невидимое, и наоборот. В логике это можно выразить так: «а» есть «не-а» и «не невидимое и наоборот» есть «а». Меч, так сказать, держится в точке отождествления противоположностей. Он никогда не становится односторонним, неподвижным, он остается самим собой. Первое требование к фехтовальщику — открыть в себе этот меч. Человек может стать великим мастером по части тактики и трюков, но если он не открыл в себе такого меча, он никуда не годиться.

2. Второй момент касается той основы или места, которое занимает фехтовальщик. Он называется «луной в воде». Это название взято от одного буддийского образа или сравнения, которое иллюстрирует быстроту, вернее, мгновенность, с которой ум воспринимает предметы или явления. Как только луна выходит из-за туч, она тут же отражается в воде. Так же и зеркало отражает цветок, как только он появится перед ним. Соответственно, и позиция фехтовальщика. Он должен быть готов в одно мгновение отразить противника так же быстро, как луна появляется в воде.

(Сам, не будучи фехтовальщиком, я затрудняюсь точно определить, что же имеет в виду Дзягю, когда говорит о «позиции», «основе», «опорном пункте» — физический это или духовный пункт).

3. «Меч Тайны» — Симме-кэн — вот следующий пункт. Здесь меч уже не просто физический предмет, но я не знаю, как можно его отличить от первого «тайного меча». Этого Дзягю не объясняет. Он пишет: «Божественное (или неосознаваемое) — внутри, а тайны

проявляются вовне». Т.е., когда божественное занимает место «меча тайны», тело и члены готовы проявить «цветение» Немыслимого. Отсюда ясно, что этот меч, как и Меч Тайны Такуана, нематериален. Он есть неосознаваемое, которое действует за полем сознания. Обычно, именно сознание создает всякие помехи и задержки свободному движению человека. Вследствие идеологических или эмоционально обусловленных промедлений, человек не может видеть или воспринимать движения меча противника с такой скоростью и непосредственностью, с какой луна отражается в воде. Это видение — чрезвычайно важный фактор в фехтовании. Если это видение есть — тело следует за ним. Таким образом, следует дать дорогу неосознаваемому, чтобы оно заняло поле сознания и могло проявить свою изначальную инстинктивность или спонтанность, не рассуждая при использовании сознательно накопленных знаний. В этом сущность Меча Тайны Дзягю.

Используя современное психологическое понятие «неосознаваемого», мы можем интерпретировать не только методологию Дзягю, но и других школ, например Мудзюсин-кэн («Меч не-пребывающего ума»), на которых мы остановимся позднее.

Но как же нам понять секрет меча Сюдзи-сюри в отношении к Мечу Тайны? Возможно, Тайный Меч относится к сфере духовной или метафизической, лежащей вне психологического осознаваемого.

4. Избавиться от «болезней» или навязчивых идей — это четвертая тема философии Дзягю. Но, поскольку мы ее рассматривали раньше, удовлетворимся следующим замечанием. Согласно Дзягю, избавиться от «болезней», значит, увидеть «сюки-кэн («Тайный Меч»)). Пока вы не оставите предвзятые идеи, они будут вам препятствовать видеть «хозяина дома», а если мы не видим его, все наши действия разъединены. Если это происходит перед лицом врага, выжидающего удобный момент, чтобы нанести решающий удар, то ни чего хуже этого с фехтовальщиком не может случиться. Значит, ум, переполненный идеями, следует остановить и отстранить, его нужно очистить от всех мешающих мыслей и чувств, он должен быть в состоянии совершенной пустоты. Если это так, Сюри-сюдзи-кэн становится верховным главнокомандующим и может совершить все, со гласно своей свободной воле. Неосознаваемое, дремлющее у корня всего существования, пробуждено и теперь инстинктивно управляет всеми движениями не только сознающего ума, но и тела. Инстинктивные реакции и движения мгновенны, подобно луне, которая от нас бесконечно далеко, но стоит облакам рассеяться — и в одно мгновение она отразится в воде.

5. И наконец, о теле, туловище и конечностях. Видение может осуществляться умом, но для действий необходимо что-то более

реальное, более прочное и, кроме того, видение и деятельность должны быть едиными, должны происходить одновременно. Так и происходит у совершенного фехтовальщика, потому что он сознает, что движения исходят из пустоты, что ум — это имя, данное динамическому аспекту пустоты, и тут нет никаких окольных путей, нет эгоцентрических побуждений. Ведь пустота — это искренность, подлинность и прямота, и она не допускает, чтобы что-нибудь стало между ней и движением. Это «пришел, увидел, победил». Как только появится хоть частица облака, окрашенного эгоистическими наклонностями, лунный свет пустоты будет осквернен и фехтовальщик обречен на поражение. Его тело и ум больше не подчиняются приказам «отсутствующего мастера».

Надеюсь, эти пять основных пунктов дают достаточный материал для понимания глубокой связи дзен и фехтования. Хотя некоторые критики и считают учение о пустоте негативным и абстрактным, но, по сути, оно глубоко и неразрывно связано с ремеслом фехтования. Это не детская игра, а дело жизни и смерти. Удар пропущен и все потеряно навсегда, Тут бесполезные мысли не годятся. Вот еще несколько выдержек из тройного трактата Дзягу о мече:

Неподвижный ум — это пустота, в движении она создает чудеса. Пустота есть единство ума, единство ума — есть отсутствие ума, а отсутствие ума достигает чудес.

Есть свободная деятельность, помимо овладения техникой она определяет чудеса Ки (кит. — Ци).

Отбросьте мышление, как бы не отбрасывая. Наблюдайте за техникой, как бы не наблюдая.

Ничего в уме не оставляйте, держите его совершенно свободным от всякого содержания, и только зеркало будет отображать образы в их таковости.

Сначала нужно видеть умом, потом глазами, а потом уже туловищем и конечностями.

Не бойтесь моргнуть, когда ваш глаз неожиданно встретится с объектом. Это естественно.

Весь день я двигаюсь и совершенно не двигаюсь. Я подобен луне под облаками, которая всегда катится и не катится.

Дайте себе идти с болезнью, быть с ней, дружить с ней. Это путь избавиться от нее.

Можно сказать, что вы овладели искусством, когда техника сама действует посредством вашего туловища и конечностей, как бы независимо от сознания.

Превратите себя в деревянную куклу³⁰, у нее нет ума, она ничего не

30 Мысль о превращении в деревянную, глиняную или какую-либо другую куклу

думает, и дайте мечу и конечностям работать самим по себе в согласии с дисциплиной. Это путь победы.

Есть свободная деятельность. Помимо овладения техникой она совершает чудеса Ки. Это можно отнести к современной концепции «космического разума» или «космического бессознательного», а его можно рассматривать как отражение алайявиджняна (по яп. арайасики). Позднее это называлось «зеркало мудрости».

заключается в том, что наше сознание обычно заполнено всякими мыслями и чувствами, и стоит на пути успешного решения дела. Мы мешаем себе решить вопрос жизни и смерти. Лучший выход из этой ситуации — очистить поле от всякой бесполезной ерунды и превратить сознание в автомат в руках несознаваемого.

ГЛАВА 6

Краткий трактат о «Мече Тайа»³¹, приведенный здесь целиком, поможет нам понять то, что можно назвать «метафизикой меча» Дзягю Тадзима-но-ками.

МЕЧ ТАЙА.

Искусство меча, как я понимаю, не в борьбе за победу, не в испытании силы, не в том, чтобы сделать шаг вперед или назад. Оно состоит в том, что вы (ваше) не видите меня (мое), а я(мое) не видит вас.³² Тот, кто проник туда, где небо и земля не разделялись,— где Инь и Ян еще не разделены, о том и говорят, что он достиг совершенства (в своем искусстве).

Человек, который в совершенстве овладел искусством, не пользуется мечом. Его противник сам себя убивает. А когда такой человек пользуется мечом,— то только для того, чтобы дать жизнь другим. Когда нужно убивать, он убивает, когда нужно дать жизнь, дает жизнь. Убивая, не думает об убийстве, поддерживая жизнь, не думает о поддержании жизни, ибо не в убийстве и не в поддержании жизни не замешано «я». Человек не видит «того» и «этого», и в то же время хорошо видит, что есть «то» и «это». Он не делает различия и в то же время хорошо знает, что есть что. Он идет по воде, будто по земле, по земле, будто по воде. Тому, кто достиг этой свободы, не сможет помешать никто на земле. Он стоит совершенно сам по себе.

Вы бы хотели этого достичь?

Когда вы идете или отдыхаете, сидите или лежите, разговариваете или пребываете в покое, когда едите рис или пьете чай,— не позволяйте себе быть вялыми, не позволяйте себе лениться, но упорствуйте в поисках «этого». Когда, минуя месяцы и годы, «это» раскроется, как свет во тьме (в которой вы находились, не зная, как вам быть со знанием, которое не передается от учителя) и откроется источник чудес,— из него появится действие и не-действие. Когда вы достигаете «этого», вы осознаете то состояние, которое проходит сквозь относительность вещей в нашу повседневную жизнь и не покидает ее. Это я называю Мечом Тайа.

31 Тайа — это один из трех мечей, изготовленных Фукуси по приказу короля Фу в древнем Китае. Меч Тайа известен за свои прекрасные качества, это синонимы идеального качества.

32 «Ты» и «я», не видящие друг друга, согласно комментатору, означают, что кто-то пребывает в области Реальности. Он не видит никаких противоречий, поскольку там еще нет различия между небом и землей, между Инь (женским) и Ян (мужским). Идея Такуана в том, что сражающийся не должен думать о «Я» и «не-Я», ибо, если такая установка не присутствует в его уме и движении, поражения тут как тут.

Открывая Меч Тайа в себе, каждый осознает свое совершенство. Когда он чист, даже Дэвы (небесные существа) боятся его, но когда он не чист, они могут сыграть злую шутку с вами. Когда высшая рука встретит другую, и они скрестят мечи, ни одна из сторон не одержит победу. Так же было, когда Будда поднял цветок, а Махакашьяпа улыбнулся. Например, определить мельчайшее различие в весе, едва взглянув на кусок золота или серебра — это обычное дело рассудка. Что же касается того, кто достиг совершенства в искусстве, он разрубит вас натрое, прежде чем вы обратитесь к одному или уясните три³³ и более того, если вы стоите с ним лицом к лицу.

Такой человек никогда не даст вам увидеть своего клинка. Клинок мелькает, как вспышка молнии, как порыв бури. Ну а те, кто не получил настоящей тренировки, задержатся на чем-нибудь, потеряв свободу движений. Такой человек испортит клинок и поранит себя. Не допускайте ошибочных мыслей, не занимайтесь бесполезными расчетами. «Это» не выразить словами, «этому» нельзя подражать, «это» необходимо тренировать. Вы должны пережить «это» сами, помимо всех учений.

Когда «это» осознано, «оно» движется совершенно свободно, независимо от того, как «это» используется. Иногда «оно» утверждает себя, иногда отрицает и ничего с «ним» поделаться не могут. В чем же смысл всего этого? Один мудрец древности сказал: «Если в вашем доме нет изображения хакутаку³⁴, тогда вы этого не боитесь».

Когда после практики и долгой самодисциплины вы приходите к этой мудрости, тогда поднять «единый меч» — значит сохранить мир во всем мире. И здесь нет никакого легкомыслия!

Конец трактата о мече Тайа.

Почти одновременно с Дзягю Тадзима-но-ками в Эдо,— теперь Токио — жил за рекою Сумиде другой фехтовальщик, известный под

³³ Обращение к «одному» или «трем» не имеет особого отношения к этим цифрам. Это иллюстрация быстроты, с которой дзенский учитель или фехтовальщик обнаружит малейшее движение, сделанное тем, кто стоит перед ним,— будь то монах или другой фехтовальщик. Учитель говорит: «Если скажешь хоть слово, получишь от меня тридцать ударов палкой. Говори! Говори!» Монах выходит вперед и, когда собирается поклониться, получает удар. Он протестует: «Я еще не сказал и слова. За что же вы меня ударили?» Учитель отвечает: «Если бы я ждал, когда ты заговоришь, было бы уже поздно».

³⁴ Хакутаку (по-кит, пай-цзе) — это таинственное создание, чье тело напоминает руку, а голова у него человеческая. В древности верили, что это существо поедает наши плохие сны и злые переживания, поэтому те, кто хотел, чтобы оно съело все их болезни, вешали изображение на воротах или внутри своего дома. Такуан здесь имеет в виду то, что это хакутаку может уничтожить всё плохое в нашей жизни, тем самым привлекая к себе все хорошее. Лучшее, чтобы ничто вокруг не напоминало нам о зле, ибо каждая мысль о нем ведет нас ко злу. «Лучшее пусть и хорошие вещи тоже не происходят». Хорошее и плохое взаимодополняют друг друга и когда мы признаем одно, автоматически принимаем и другое.

именем Одариги Итиун. В то время, как теперь известно, Тадзима-ноками был связан с кланом Токугава, находился на вершине славы и обладал огромной известностью. А учитель третьего сегуна был известен узкому кругу своих друзей и учеников. Их социальное положение различалось. Однако, судя по тому, что он писал, Итиун был лучшим фехтовальщиком. Он презирал тех профессиональных учителей, что собирались вокруг политических деятелей, ибо у них, как говорил его учитель Сэкуин, были «грубые души», стремящиеся к достижениям славы. Такие учителя ради почестей приносили в жертву свое искусство.

Общим в философии фехтования Итиуна и Дзягю было то, что в основе лежал дзен-буддизм. Итиун был склонен больше придавать значение пониманию задач дзен, за которым, как он говорил, приходило и понимание техники. Дзягю, напротив, больше придавал значение технике, хотя и подчеркивал значение дзен для фехтования. Но он не заходил так далеко, как Итиун, который совершенно игнорировал тактическое искусство, как таковое. Итиун открыто заявлял, что его меч был мечом «не-деяния», «не-искусства», «не техники», «неритмичности», «полагающимся на ничто», не нуждающемся ни в чем, что подобно искусству фехтования. И всякий, как считал он, кто будет говорить о методе его практической тренировки, скажет, что это «очень странно и необычно». И, наконец, Итиун характеризовал свой меч и его назначение не в ай-ути, а в ай-нукэ.³⁵

Последующее представляет собой сильно сокращенный конспект, написанный в конце восемнадцатого века с оригинального произведения, написанного Одариги Итиуном. Этот конспект составил Ха-рия Сэкиун, будучи продолжателем традиций школы «Меча Непребывающего Ума» (шудзюсин-кэн). Эта рукопись имеет очень большое значение для изучения фехтования, показывая всеобъемлющее значение духовной тренировки в сравнении с обучением фехтованию как ремеслу, и показывает отношение просветленной личности к техническому мастерству. Фехтование — это не искусство убивать, оно состоит в том, чтобы развивать себя нравственно, философски, духовно.

³⁵ Ай-Нукэ означает взаимное уклонение или избавление. Ай-ути — взаимное убийство. Этому Итиун придавал большое значение.

ГЛАВА 7

«Меч Непребывающего Ума» (основанный Хария Сэкиун)

Мой учитель, Сэкиун, начал изучать фехтование в молодости, а затем стал учеником Огасавара Гэнсин. Гэнсин, в свою очередь, был одним из четырех лучших учеников Ками-идзуми (умер в 1577 г.), который был основателем новой школы синкагэ-рю. Можно сказать, что деятельность Ками-идзуми была причиной нового этапа в развитии японского фехтования. Он был великим гением японского фехтования. После основания Синкагэ-рю Огасавара Гэнсин поехал в Китай. Обучая китайцев своему искусству, ему довелось встретиться с человеком, прекрасно владеющим китайским оружием хоко. Огасавара стал у него учиться, и это чрезвычайно развило его технику. Вернувшись в Японию, он опробовал свой новый метод и убедился, что никто не может ему противостоять. Уверенный в абсолютном превосходстве новой техники, он обучал многочисленных учеников. Упорно трудясь, Сэкиун, наконец, овладел секретом новой школы.

Однако, мой учитель Сэкиун этим не удовлетворился. Он начал изучение дзен под руководством Кохаку, бывшего настоятеля Тофикудзи, одного из главных монастырей Киото, и достиг больших успехов в понимании дзен-буддизма. В конце концов, он пришел к заключению, что никто из великих мастеров фехтования, о которых он знал, включая и его учителя Гэнсин и учителя его учителя Ками-идзуми, не может считаться поистине мастером фехтования. Ибо все они не понимали глубочайшего принципа жизни. В результате, не смотря на хорошую физическую и техническую подготовку, они продолжали оставаться рабами ошибочных, бесполезных мыслей. Они не могли выйти за пределы трех альтернатив:

- 1 — победить более слабого противника,
- 2 — быть побежденным сильнейшим,
- 3 — встречаясь с равным, взаимно поразить друг друга (ай-ути).

Теперь Сэкиун пытается применить к искусству фехтования принцип небесного разума или Изначальной природы в ее таковости (т.е. в состоянии «как она есть»). Он был убежден, что это возможно. И однажды наступило великое просветление. Он понял, что по сути дела, фехтование в технике не нуждается. Ибо, когда человек пребывает на троне небесного Разума, он чувствует себя совершенно свободным и независимым, и тогда он постоянно готов овладеть любыми профессиональными хитростями. Когда Сэкиун испробовал это открытие со своим учителем Огасавара Гэнсин, он легко его побеждал даже тогда, когда тот пользовался «самыми тайными секретами» своего мастерства. Это было подобно горению бамбука в пламени сильного пожара.

Сэкиуну было уже за шестьдесят, когда я, Итиун, двадцати восьми лет от роду, пришел к нему в ученики. Пять лет я прилагал свои силы, чтобы постичь искусство фехтования, которое мой учитель объединил с принципом и практикой дзен. И, когда я почувствовал себя готовым испытать, чего же я достиг, я бросил вызов учителю. В каждом из трех поединков исходом было ай-нукэ.

Ай-нукэ — новый термин в фехтовании. Когда соперники во всем равны и бьются до конца, это кончается ай-ути или взаимным убийством. При ай-нукэ не происходит ни убийства, ни ранения. «Нукэ» — значит не «убить», «сразить», а «миновать», «пройти мимо». И так, Сэкиун и его ученик Итиун, будучи равными, остались после поединка целыми и невредимыми, они оба избежали «поражения». Итиун пишет: «Это стало характерным принципом нашей школы, которая была названа дзенским учителем Сэкиуна Кохаку «Меч Непребывающего (не задерживающегося) Ума».³⁶

Итиун продолжает:

Когда мой учитель умер, я оставался один и шесть последующих лет провел в глубоком созерцании Небесного Разума, не мысля распространять свое новое искусство. Я погрузился в самосозерцание, забывая голод и холод.

В связи с моими поединками с учителем следует упомянуть один факт. После третьей схватки он выдал мне письменное свидетельство в виде свитка, в котором признал, что я достиг осознания принципа фехтования. Затем мастер вынул из нагрудного кармана четки, воскурил благовония и поклонился мне, как обычно кланяются буддисты.

Не знаю, что именно подразумевал мой учитель, совершая эту религиозную церемонию, но, несомненно, этим он выражал высочайшую похвалу, которую только может выразить один смертный другому.

Хотя я и не собирался стать учителем новой школы, однако, некоторые из моих старых друзей отыскали меня и убедили передать им мой новый опыт. Постепенно моя школа и мое имя становилось все более известным. По тому, как теперь следуют учению и дисциплине этой школы, я надеюсь, что она будет процветать в грядущих поколениях и удивительные достижения моего учителя не пропадут даром и не исчезнут. Несмотря на это, я думаю, что лучше

36 «Бездомный» или «не задерживающийся», «непребывающий» — это буддийские термины, на санскрите апратистха. Это однозначно пустоте (шуньята), а иногда непривязанности (анабхинева). Буквально это значит «не иметь дома, где можно остаться», но истинное значение — «поселиться, обосноваться, успокоиться там, где нет дома, нет пристанища». Это кажется парадоксом, логическим противоречием, но буддисты скажут вам, что жизнь больше логики, и что логика должна приспосабливаться к жизни, а не наоборот.

записать все, что возможно, ибо людям свойственно понимать все по-своему и нужно предупредить возможные неправильные толкования.

Так, рекомендуя себя и своего учителя, Итиун говорит о самом главном в личности фехтовальщика. Фехтовальщик должен отбросить всякое стремление прославить свое имя, избавиться от эгоизма и самовосхваления; он должен быть в согласии с Небесным Разумом и блюсти высший Закон Природы, который отражается в каждом из нас. Как сказал Итиун: «Мой учитель, презирая обывателей, говорит, что они одержимы звероподобными духами, которые как животные, и только и ждут, как бы что-нибудь съесть. Т.е. все время ищут материальных благ и выгод. Они не понимают, что значит человеческое достоинство и законы нравственности, которые управляют человеческой жизнью».

Что касается фехтования, то Итиун советует, во-первых, не полагаться на технические приемы. Большинство фехтовальщиков уделяет им слишком много внимания. Тот, кто хочет следовать Мечу Непребывания, тот должен отказаться от намерения превратить фехтование в развлечение или источник благополучия, в вещь чисто внешнюю, внешне привлекательную. Не следует думать о победе над противником. Фехтовальщик не должен думать об исходе боя, его ум должен быть свободным от подобных мыслей. Первый принцип фехтования — это глубочайшая интуиция прозрения, совершенная интуиция Небесного Разума, который действует в гармонии с любимыми обстоятельствами, а больше ничего от фехтовальщика не зависит.

Когда Небесный Разум присутствует в нас, он знает, как ему себя вести, что бы ни произошло. Когда человек видит огонь, его Разум сразу знает, как его использовать; когда находит воду, Разум подсказывает ему, для чего она. Когда человек видит другого в опасности, Разум ведет его на выручку. Пока мы с Ним, как бы сложна ни была ситуация, мы будем вести себя, как подобает.

Он был еще до нашего рождения, это принцип, который управляет вселенной как нравственно так и физически. Этот творческий принцип имеет четыре аспекта:

Гэн (юань — «великое»),

ко (хэн — «успех»),

ои (ли — «продвижение, содействие»),

тэй (чэн — «упорство, настойчивость»).

Когда человек рожден силой Творческого принципа, он воплощает эти четыре аспекта в форме четырех социальных добродетелей:

дзинь (жень — «любовь, человеколюбие»),

ги (и — «справедливость»),

рэй (ли — «правильность»),

ти (чи — «мудрость»).

Эти четыре добродетели определяют человеческую природу, а другие люди видят в таком человеке духовного вождя.

В чистейшем виде изначальная Природа функционирует в нас во младенчестве, когда нас еще не отняли от материнской груди. Но полагаясь на Природу, позволив ей действовать по своему усмотрению, не препятствуя ей действовать своим относительным сознанием, мы будем самодостаточны и в зрелом возрасте. Но, увы, когда мы растем, у нас возникает страшно много всяких концепций, позиций и амбиций, которые существенно искажают картину мира, которую мы получаем из наших чувств. И мы уже не можем видеть просто гору, такой, как она есть в ее таковости. Вместо этого, на зрительное восприятие горы накладывается много идей о горах, наши предшествующие знания и впечатления. Гора с такими наслоениями не чудесна, а чудовищна. Это результат того, что мы пропитаны всяческими доктринами, учениями, обретенными в результате наших обширных интересов. Тут смешивается личное с политическим, социальным, экономическим, религиозным. Получается совершенно извращенная картина. Вместо того, чтобы жить в мире изначальной Природы, в ее прекрасной нагоде, мы живем в искусственном, окультуренном мире; и к тому же не сознаем этого.

Если фехтовальщик хочет узнать, как же эта искаженная картина мира влияет на его действия, пусть он понаблюдает за собой во время поединка. Он обнаружит, что все его действия противоречат принципу «непробывающего Меча», который с начала и до конца должен быть согласен с мышлением и действиями младенца. Следуя дисциплине согласия с Природой, шаги фехтовальщика в схватке не будут ни слишком быстрыми, ни медленными, ни безразличными. Они будут как раз такими, как это нужно. Об этом позаботится изначальная природа, которой следует ситуация, находящаяся в постоянном изменении. Фехтовальщик не должен выказывать свою смелость, но не должен чувствовать и робости. Он не должен сознавать, что кто-то противостоит ему или кому-то. Он должен чувствовать себя так, будто занимается своим обычным делом, например — радуется завтраку. Пусть фехтовальщик держит свой меч как вилку за завтраком, когда поднимает кусочек и берет его в рот, а потом кладет вилку, когда она не нужна, по окончании завтрака. Если фехтовальщик думает, что схватка требует чего-то большего, значит, он еще не кончил учиться и ему рано покидать стены школы.

Итиун продолжает: Чтобы объяснить чудесное действие Небесного Разума или Изначальной Природы в человеке, мы употребляем различные выражения, но, главное здесь вернуть к невинности «первоначального человека», т.е. время нашего раннего детства, которое часто называем Великим Пределом (тайкеку, по кит. тайцзи)

или Природой в ее таковости, состоянием не-действия, пустоты. Но большинство людей, вместе того, чтобы смотреть в суть явления, накручивают слова на слова и все больше и окончательно в них запутываются.

Таким людям лучше всего вернуться во время своего детства и посмотреть, как ведет себя ребенок. Земля может расколоться, а ребенок и внимания не обратит. Убийца бросится в его дом и станет его убивать, а он только ему улыбнется. Разве это не демонстрирует подлинное мужество? Ну, а раз это ясно, то посмотрим, как он будет вести себя в этой всемирной игре, в которой мы участвуем, ради которой мы почти готовы пожертвовать своей жизнью или бесстыдно пускаем в ход самое подлое коварство. Будет ли дитя радоваться, если его сделают императором или наградят самым высоким орденом? В ответ на это младенец даже не повернет глазом. Мы можем сказать, что он просто ничего не знает о мире взрослых, и этим все объясняется. Но Итиун возражает: «Что истинно в мире взрослых? Все в нем суета сует. А то, что волнует младенца, действительно существенно. Младенец не уносится мыслями в прошлое или будущее. Потому он свободен и не знает страха, неуверенности, тревоги или «мужества жить». Фехтовальщику, как и всем нам, необходимо сознавать Небесный Разум, который движет младенцем. Дети его не сознают, он просто движет ими. А нам нужно привести в полное сознание Природу, которая раскрывает в нас Небесный Разум. Достичь зрелости — не значит стать пленником всяких рассуждений, это значит достичь осознания того, что лежит в самой глубине вашего существа. Это и есть «истинное знание» (рети), «искренность» (макото), «благоговение» (кэй), «безошибочность» (тантеки). Как бы стар не был человек, «детское» в нем не умерло, оно всегда свежо, энергично, воодушевляюще.»

Поэтому наставление Итиуна своим ученикам самое простое и легкое.

Он говорит: «Когда стоишь с мечом перед противником, продвинулся вперед, если дистанция слишком велика и ударь. А если сразу стоишь на правильной дистанции, тогда ударь сразу с того места. Думать не нужно. Однако с большинством фехтовальщиков дело обстоит по-иному. Как только они окажутся перед противником, они уставятся на него, определят, на какой они с ним дистанции, выберут позицию, которая кажется им наилучшей, проверят длину меча, поразмыслят о том, как бы применить прием и т.д. Их мозг лихорадочно работает, решая, какую же тактику из тех, которым его научили, выбрать в данном случае. Они понятия не имеют о небесном Разуме и его действии при разных условиях. Величайшая ошибка в фехтовании — это пытаться предугадать исход поединка. Вы не должны думать, чем это кончится, победой или поражением. Просто

дайте Природе идти своим путем, и тогда ваш меч ударит в надлежащий момент».

Может быть, самый верный совет, который дает Итиун, заключается в том, что первым шагом в тренировке фехтовальщика должна быть мысль об «ай-ути» — взаимном убийстве, в момент, когда он приступает к поединку. Этот совет имеет самое существенное психологическое значение. Иными словами, ай-ути означает, что не нужно думать об исходе поединка, о своей безопасности. Если человек вступает в поединок в таком душевном состоянии, он действует наиболее эффективно и противостоять ему сможет только противник, имеющий такую же позицию. Подобные примеры уже приводились в этом тексте. Мысль об ай-ути, — и это главное, — должна быть у фехтовальщика с самого начала, а не в конце.

Второй урок Итиуна демонстрирует самую суть его методологии и его глубочайшее проникновение в тайны человеческой психологии. Он пишет: «Кажется, что не трудно придерживаться мысли об ай-ути с самого начала поединка, но если все это так легко, то возникает мысль о несомненной победе над противником, а эта мысль более всего препятствует естественному функционированию Небесного Разума». Он продолжает: «В тот момент вы можете подумать: как же я так двойственно думаю? Сначала я решил, что закончу поединок ай-ути и тут же принялся мечтать о победе. Подобное размышление тут же приведет вас и ваш ум в состояние куфу³⁷».

Если вы продолжаете в течение нескольких лет свою практику, в конце концов, вы достигнете прозрения Небесного Разума, который никогда не подчиняется никакой форме движения, т.е. никакой форме нерешительности ума. Разум, Природа или душа (кокоро) или субстанция — все это синонимы — всегда спокойна, недвижима, неизменна, она действует на бесконечных путях и она вне досягаемости мысли».

Прежде, чем закончить эту длинную экспозицию школы фехтования, называемой «Меч Непребывания», я хочу отметить четыре характерных

37 Куфу — одно из самых важных понятий, используемых в связи с дзен и дисциплиной духа и ума. Этот термин означает «искать выход из дилеммы» или «бороться, чтобы прорваться через безвыходность». Дилемма или безвыходность — это то, перед чем пасует интеллект, здесь его предел, но внутреннее побуждение человека заставляет его идти дальше. Если интеллект бессилён, можно уповать на волю, но и сила воли не сможет преодолеть тупик. Воля ближе к основам, чем интеллект, но и она на поверхности сознания. Нужно пройти глубже, но как? Этот и есть «куфу». Никакое учение, никакая помощь извне не помогут. Решение может прийти только из сокровенного, только изнутри. Нужно стучать в дверь, пока не исчезнет индивидуалистическое чувство. Только когда это отказывается от себя, человек обретает свое «я». Таков новорожденный. Куфу вроде родовых мук, и в него вовлечен человек. Есть физиологи и психологи, которые предлагают лекарства, способные отстранить человека от этих мук. Но мы должны помнить, что человек не целиком механизм и биохимия, это не исчерпывает его сущность. В нем есть еще и такое, что не затрагивает медицина. Тут и находится наша духовность. Куфу пробуждает ее.

момента в рукописи Итиуна.

1. Отсутствие стереотипных техник.

2. Мягкость, кротость духа (кшанти) или непротивление (недеяние). Эти термины сильно напоминают философию Лао-Цзы или Чжуаи-Цзы.

3. Убеждение: «Я фехтовальщик, которому нет равных в мире». Это соответствует тому, что, согласно традиции, сказал Будда при своем просветлении: «На небесах и на земле — я единственный достоин почитания!» Сравнить эти высказывания интересно по двум причинам. Итиун приветствует «детскость», как воплощение принципа фехтования, и Будда сказал эти слова, когда был младенцем, новорожденным. Но «дитя» Итиуна — это мужественный фехтовальщик, прошедший через все события и испытания, рискуя своей жизнью. Иными словами, дух и учение дзен исповедует Итиун и Будда. Оба хотят соскрести грязь, которая накопилась на нашем существе еще до нашего рождения и раскрыть Реальность, как она есть, в ее таковости. Вот вся нагота, которая соответствует буддийской концепции о пустоте (шупьята).

4. И еще одна особенность «меча непребывания» — идея об ай-нукэ. Этому не учила ни одна школа. В других школах при равенствепротивников все кончалось взаимным убийством — ай-ути, но в школе «меча непребывания» финал не был трагичен — все кончалось ай-нукэ. Как я уже говорил, «нукэ» означает «не ударить». Ни один из соперников не наносит другому удара и ранения. Когда несовершенный мастер вызывает на поединок настоящего мастера «меча непребывания», он совершает самоубийство. У настоящего мастера нет намерения убивать, но ситуация вынуждает его лицом к лицу стать с противником. Враг исполнен злым духом убийства и его ум не свободен от эгоистического желания убивать. И когда он встречается с мастером «меча непребывания», его же злой дух его и убивает. Мастер даже может и не подозревать, что его меч сразил противника. Можно сказать, что Небесный Разум наказал тех, кто пошел против него, а «детскость» мастера остается такой же жизненной, как и была.

Такуан был дзенским учителем, который пользовался фехтованием, как методом тренировки. Его меч, как палка (здесь проводится аналогия) дзенского учителя, бьет ученика, который, не усвоив урока, пытается действовать. Меч Сэкиуна унаследовал Итиун, это настоящий «меч недеяния», в нем выражается сущность философии праджняарамита (по-яп. Ханья-харамита).

В конце своего трактата Итиун подводит итог значению меча: «Сейчас есть около двухсот школ фехтования, но все они обязаны четверем ученикам Ками-идзуми Исэ-но-ками. Мой учитель, Сэки-ун,

учился у одного из них. Это Огасавара Гэнсин. Гэнсин, после посещения Китая, где овладел чисто китайским оружием, создал собственный стиль фехтования, настолько совершенный, что во всех последующих поединках не имел себе равных. Мой учитель, Сэкиун, в совершенстве овладел методом Гэнсина, но позже, когда Сэкиун пришел к пониманию дзен, он отринул все, чему ранее научился и обрел истинное знание. Он вступил в схватку со своим учителем. В результате, методы, основанные на совершенной технике боя, потерпели поражение. С тех пор Сэкиуна никто не смог победить, его система была выше других».

Вывод Итиуна: Лучшие фехтовальщики Японии не могли его победить потому, что строили свои системы на каком-то одном приеме или способе, на техническом совершенстве. Сэкиун же, изучив дзен, овладел «Мечом Недеяния». Это непривязанность ни к одному методу, воплощение самого Небесного Разума, выходящего за пределы человеческого разумения. Достигнув дзенского сатори, Сэкиун обрел святость. Его «меч непребывания» не имел ничего общего с тактическими движениями, техническими тонкостями, т.е. с всем тем, что обычно составляет искусство фехтования. Его меч, совершенно свободный от мирских побуждений и интересов, был движим духом владельца, а у того было «чистое» сердце и свободный, «пустой» ум (не-ум, мусин). Поэтому и меч был совершенно свободен у него в руках. И никто из тех, кто не достиг той же степени просветления ума, что и Сэкиун, не мог его победить. В конце концов, фехтование дело не техники, а высокого развития духовности. Отсюда и заявления Итиуна, что ему нет равных.

ГЛАВА 8

Из всех японских искусств фехтование, вероятно, самое дзенское потому, что проблема жизни и смерти здесь стоит с наибольшей остротой и реальностью. В фехтовании у человека нет права на ошибку, у него нет времени поразмыслить. Все, что он делает, исходит прямо изнутри и не поддается контролю сознания. Фехтовальщик должен действовать инстинктивно, а не интеллектуально. Во время напряженной схватки реально решается — жить или умереть. Самое ценное — время, его нужно использовать максимально эффективно. Малейшее мгновение расслабления (суки) — и противник воспользуется им и уничтожит вас. Тут речь идет не просто о поражении или унижении.

Мгновение интенсивного сосредоточения — это момент совершенного единения субъекта и объекта, личности и ее поведения. Пока это не достигнуто, поле сознания не очищено, все еще остается «слабый след мысли» (нисай но итинен), который препятствует прямому и непосредственному действию, исходящему из глубины личности, иными словами — из неосознаваемого. Это приводит к тому, что меч противника находит разрыв обороны, разрыв в вашем сознании.

Вот почему фехтовальщику советуют освободиться от мысли о смерти и от беспокойства об исходе поединка. Пока осталась хоть какая-то мысль, она приводит к гибели. Китайская пословица говорит: «Если ваши действия совершенно непоколебимы и целны, даже боги будут вас бояться и избегать». Такая твердость, решительность ума и духа совершенно необходимы в боевом искусстве фехтовальщика. Без этого духа никакая концепция и тем более единение невозможны. Сосредоточенность, одно-умность, концентрация (экаграта), решительность, непоколебимость ума и духа — все они исходят из одного. Это «одно» в дзен называется состоянием «не-ума» (мунэн), это соответствует «детскости», в которой еще нет и зачатка умозрительности и схематичности.

Кое-кто может сказать: непоколебимость ума — это высшее качество человека, и мы не можем его достигнуть до тех пор, пока не вполне созрели, ибо это свойство вполне сформированного ума. Но, достигнув этого, как можно от всего отказаться и вернуться к духовному состоянию детства? Как можно вернуться к самому началу, после того как совершили тяжелое и утомительное путешествие? Или как можно совместить высокий ум с беспомощностью ребенка? Это один из возможных взглядов на проблему, но не забудьте, что есть и второй, согласно которому дитя превосходит того, кто «полностью развит». Что здесь имеется в виду?

Спеша сделать себя «вполне развитым», мы совершенно отрицаем то важнейшее качество, которым обладает дитя — веру, веру в неизвестное бытие. Это неизвестное можно назвать Неизвестным Разумом, Дао, Богом, Несознаваемым или глубочайшим Я. Ввиду того, что Неизвестное, какое бы ему имя ни давали, не поддается постижению сознательной частью ума, оно или теряет свою сущность, свою таковость в тот момент, когда сознание пытается его охватить. Это неизвестное мы оставляем позади «развития» и «зрелости», да так, что совершенно о нем забываем и не имеем представления, как оно осуществляется в нас. Когда фехтовальщик или монах говорит о детскости или не-уме, большинство людей не понимает, о чем идет речь. А пытаюсь понять, мы низводим или возводим «это» (в зависимости от того, как к «этому» относиться) на обычный уровень сознания, где пытаемся рассуждать о нем так, как обычно рассуждаем вообще обо всем. В результате смысл совершенно меняется. А когда кто-нибудь ссылается на «это» или обращается к «этому», то мы «это» не узнаем.

Неколебимость ума, восстановление «этого», — оно всегда присутствовало в нас и никуда не терялось и не было искажено. Вопрос в том, как «этим» правильно пользоваться. Фехтовальщик, пройдя подготовку у дзенских учителей, приобретя большой собственный опыт, начинает различать в себе присутствие и важность этой «неизвестной величины», которую мы сейчас пытаемся как-то обрисовать.

Надеюсь, это предисловие поможет вам понять, о чем говорили разные фехтовальщики, богатые практическим опытом и неискушенные в философских определениях.

АДАТИ МАСАХИРО

Адати Масахирос в Киото основал школу Самбу-рю (или Дзиммью-рю). Он написал работу Хэйдзюцу Дзекун («Основы фехтования») в двух томах, датированных 1790 годом. Впервые эта работа была напечатана в тридцать восьмом году эпохи Мэйдзи (т.е. 1905 г.) как одно из исследований, собранных и изданных Арима Дзюсэй и Иноуэ Тэцудзиро под общим названием «Бусидо Сосе» (Собрание трактатов о Пути Самурая).

Адати Масахирос подчеркивал важность психической³⁸ тренировки.

38 «Психическое» здесь не подразумевает сверхчувственные феномены. Оно включает все нематериальное или психологическое. Термин «ментальный» тоже психологический, а «духовный» — имеет характер теологический. Для японского «кокоро» или «сэйсин» я думаю, лучше употреблять слово «психэ» (душа). Кокоро — очень сложный термин. Прежде всего, он означает физическое сердце, потом истинное «сердце» (т.е. его волевое и эмоциональное начало), затем «ум» (интеллектуальное начало), «душа» (в смысле живительного начала) и «дух» (метафизическое). В отношении к фехтовальщику кокоро — это больше всего воля. Воля в ее глубочайшем смысле.

Огромное значение имеет и физическая подготовка, и техническое совершенство, но что они без психической тренировки? Во время тренировки ученик должен быть активным и динамичным. Но во время боя его ум должен быть совершенно спокоен. Фехтовальщик должен чувствовать себя так, будто ничего особенного не происходит. Когда он двигается, шаги у него совершенно нормальные, а глаза не смотрят немигающим взглядом, как у безумного. Все как всегда. Поведение должно быть совершенно обычным. Ничего не должно говорить, что вы вступили в смертельную схватку.

Чтобы действовать подобным образом, необходимо сделать «недвижимым» ум. Сегодня мы бы сказали, что для этого он должен натренироваться удерживать свой дух (когоро) в области живота (диафрагмы)³⁹. Или, иначе говоря, диафрагма должна быть оттянута вниз, так, чтобы в груди было достаточно места для свободного дыхания легких, и чтобы ничто не давило на сердце. Если фехтовальщик возбужден ситуацией и думает, что противник сильнее его — он уже почти поражен. Но если в любой ситуации дух спокоен,— это гарант, успеха. Психологическая подготовка играет решающую роль, она может вывести на уровень высшей духовности. Когда духовность достигнута, то в фехтовании мы видим уже не игру, а нечто от изначального искусства.

От технически нетренированного фехтовальщика духовных достижений ожидать не приходится, но если он настроился на то, что живым ему не уйти из боя, то он может стать грозным противником даже очень искусному фехтовальщику. Страх смерти и привязанность любого сразу же отражаются на движениях меча, чем противник может воспользоваться.

Именно непосредственная связь с проблемой жизни и смерти выделяет фехтование среди других видов искусств. И именно поэтому фехтование особенно близко к дзен. Оно может служить средством достижения очень высокой духовности.

Чтобы проиллюстрировать, что он имеет ввиду, Адати Масахиро приводит случай об отчаявшемся участнике поединка, который принудил идти на попятный опытного фехтовальщика. Этот пример демонстрирует, что может иногда человек, даже неискушенный в фехтовании.

39 Автор уже разделял два вида когоро: физическое «сердце» и «истинное сердце». Сердце, склонное к эмоциям,— это сердце первого рода. Опускаясь ниже пупка, оно становится невидимым. Пока это не произошло, все искусство фехтовальщика становится бесполезным. Карл Юнг пишет (в «Основных психологических концепциях» Лондон 1935 г.): «Индейцы Пуэбло говорили мне, что все американцы — сумасшедшие и когда я удивлялся, объясняли: «Ну, все они говорят, что думают головой, но ведь ни один нормальный человек головой не думает. Мы думаем сердцем». Так же и во времена Гомера центром психической деятельности считалась область диафрагмы.

Все это произошло в феодальной Японии. Простой слуга вызвал раздражение одной влиятельной персоны. Тот потребовал, чтобы хозяин примерно наказал слугу, а в то время это значило для слуги смерть. Хозяин не мог послушаться.

Он вызвал слугу и сказал ему: «Я очень сожалею, но вынужден выполнить желание обиженного и казнить тебя. Выхода нет. Единственное, что я тебе посоветую — это взять меч, сразиться со мной и убить меня в поединке, а потом можешь придти и отдаться в руки обиженного».

Слуга ответил: «Какой смысл мне браться за меч? Вы ведь первоклассный фехтовальщик и преподаватель фехтования, а я никогда в жизни меча в руках не держал. Как же я могу вас победить?»

А учитель фехтования, надо сказать, давно уже хотел сразиться с тем, кто махнул рукой на жизнь и находился в безвыходном положении, да все случая у него не было, вот он и говорит слуге: «Бери меч и испытай удачу. Посмотрим, вдруг судьба улыбнется тебе, и увидим, что из этой схватки выйдет».

Ну, встали они друг против друга с обнаженными мечами, и тут учитель заметил, что позиция у него вроде хуже и надо ее поменять. Отступил он назад, потом еще и так отступал, пока спиной в стенку не ударился. Тут уж ему пришлось окончательное решение принимать, отступать было некуда. Тут уж не до шуток. Не до экспериментов. Загнанный в угол, он не мог сменить позицию на более выгодную, и тогда фехтовальщик с криком нанес удар, который сразил его противника — слугу.

Потом этот фехтовальщик признался своим ученикам: «Это была отчаянная схватка! Меня чуть не убил мой собственный слуга, его дикое наступление с мечом было почти неотразимо. И если необученный слуга, может стать таким опасным противником, что говорить о первоклассном фехтовальщике в таком состоянии».

Один из учеников спросил его: «Где здесь смысл — в том, что вы отступали? Было ли это тактикой, или вызывалось силой давления?»

«Он так отчаянно наступал, что мне ничего не оставалось, как отступить», — подтвердил учитель.

«И когда вы крикнули и ударом свалили слугу, вы увидели у него суки?»

«Нет, суки не было, было чудо (ме) и оно вело его мечом».

Адати Масахиро комментирует: «Чудесное ме не результат сознательной работы фехтовальщика, это результат не сознания, а «недвижимого ума». Когда воля собрана воедино, даже неискусная рука становится неотразимой. Фехтовальщик не должен думать о противнике, о как слабом или сильном. Он должен совершенно забыть себя и противника, и дать ме (несознанному) действовать самому по

себе».

Адати цитирует Уэсуги Хэнсина (1530-1578г), одного из знаменитых полководцев шестнадцатого столетия: «Судьба в небесах, броня на груди, успех в ногах. Иди на бой убежденный и вернешься без единой царапины. Бросайся в битву, готовый умереть. Если покинешь дом, знай, что больше его не увидишь, только тогда вернешься в него. Лишь задумаешься о возвращении, и уже не придется вернуться. Мир в постоянном изменении, но воин может так и не думать, ибо его судьба предопределена».

Хочу заметить, что воин или самурай здесь выступает, как защитник предопределенности. Пока мы думаем, что есть сила неизвестного происхождения, которая взрывается посреди нашей хорошо спланированной человеческой жизни и расстраивает все наши дела, мы не можем по-настоящему принять все наши ограничения. Свободная воля или свобода познания и действия,— это только наша мечта. Но тогда можно задать очень странный вопрос: что же заставляет нас мечтать, когда мы кругом ограничены? Что заставляет нас отрываться от реальности жизни, в которой мы живем, и смотреть на нее так, будто мы с ней не связаны? Откуда же исходит сама идея ограниченности, если не из внележащей безграничности?

МАСТЕР ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ И ГОЛОВОРЕЗ.

Эта история о мастере чайной церемонии, который принял на себя роль фехтовальщика и сразился с головорезом. Обычно те, кто занимается чайной церемонией, фехтованием не занимаются и никак не могут быть противниками людям меча. Чайная церемония — дело мира, покоя. Эта история поведаст нам, что может человек, не умеющий обращаться с мечом, не получивший никакой специальной подготовки, если только он решился рискнуть своей жизнью.

В конце семнадцатого века правитель Яма-ноути провинции Тоса решил взять своего чайного мастера в официальную поездку в Эдо, столицу правящей династии сегунов Токугава. Чайному мастеру эта поездка вовсе не улыбалась, ибо самураем он не был, а Эдо вовсе не такое спокойное место, как Тоса, где у него много друзей. В Эдо можно было попасть в такую переделку, где досталось бы не только его господину, но и ему самому. Путешествие было весьма рискованным, и он не желал в него пускаться. Однако господин его не желал слышать никаких возражений,— вероятно потому, что чайный мастер высокой квалификации принес бы господину добрую славу. Чайная церемония очень ценилась в высокопоставленных кругах. Чайный мастер был вынужден подчиниться приказу, но решил сменить свою одежду чайного мастера, который ходил без оружия, на одеяние самурая с двумя мечами.

По приезде в Эдо чайный мастер не выходил из дома господина и, наконец, тот разрешил ему выйти погулять. Одетый как самурай, он посетил Уэно у пруда Синобадзу, где заметил, что на него сердито смотрит какой-то самурай, отдыхающий на камне. Самурай вежливо обратился к чайному мастеру и сказал: «Вижу, вы самурай из Тоса, окажите мне честь испробовать мое искусство в поединке с вами». С самого начала путешествия чайный мастер предчувствовал какую-то неприятность. Теперь он стоял лицом к лицу с ронином, странствующим самураем, наемником худшего толка, и не знал, что ему делать. «Я вовсе не самурай, хотя и одет так, я чайный мастер и вовсе не готов быть вам противником» — честно признался он. Но, поскольку истинным желанием ронина было обобрать свою жертву, в чьей слабости он уже совершенно уверился, то он продолжал настаивать на поединке.

Чайный мастер понял, что поединка ему не избежать и настроил себя на неизбежную смерть. Но он не хотел умирать с позором, потому что позор лег бы на его господина, правителя Тоса. И тут он вспомнил, что несколько минут назад он проходил мимо школы фехтования, расположенной рядом с парком Уэно. Он решил зайти туда на минутку и спросить у учителя, как же правильно пользоваться мечом, как употреблять его в таких случаях и как ему с честью встретить неизбежную смерть. Он сказал ронину: «Если ты так настаиваешь на поединке, тогда подожди меня немного, я должен сначала кое-что сообщить своему господину, у которого я служу».

Ронин согласился, и чайный мастер поспешил в школу фехтования. Привратник не хотел его впускать, потому, что у чайного мастера не было никаких рекомендательных писем к учителю фехтования. Но все-таки, увидев ту серьезность, с которой вел себя чайный мастер, он решил его пропустить.

Учитель фехтования спокойно выслушал чайного мастера, который рассказал ему всю историю и выразил непреклонное желание умереть, как подобает самураю. Учитель сказал: «Ты прямо уникам. Все приходят ко мне узнать, как пользоваться мечом, чтобы жить, а ты пришел узнать, как умереть. Но прежде, чем я научу тебя искусству умирать, будь добр, научи меня готовить чай и угости чашечкой чая. Ведь ты же чайный мастер». Чайный мастер был очень рад. В последний раз он мог исполнить чайную церемонию, дело своей жизни, столь дорогое его сердцу. Забыв обо всем, он со всей искренностью, с полной самоотдачей принялся готовить чай. Он выполнял все, что необходимо, как будто сейчас это было для него самое главное в жизни. И учитель фехтования испытал глубокое чувство, увидев с какой сосредоточенностью, с каким воодушевлением совершается чайная церемония. Он упал на колени перед чайным мастером, глубоко

вздыхнул и сказал: «Вот ты! Тебе не нужно учиться умирать! То состояние ума, в котором ты находишься, позволяет тебе сразиться с любым фехтовальщиком. Когда будешь подходить к ронину, сначала подумай, что ты готовишь гостю чай. Благородно приветствуй его, извиняясь за задержку, и скажи, что теперь готов к поединку. Сними свое хаори (верхнюю одежду), аккуратно сложи и положи сверху свой веер, как ты обычно делаешь это за работой. Затем повяжи голову тэнугун (вид полотенца), веревкой подвяжи рукава, подбери хакама (рубашку). Теперь ты вполне можешь начинать. Вынь свой меч, высоко подними его над головой, будь готов сразить им противника и, прикрыв глаза, соберись мысленно для битвы. Когда услышишь крик, ударь его мечом. Это и будет конец, взаимное убийство». Чайный мастер поблагодарил фехтовальщика за наставления и пошел назад — туда, где обещал встретиться с ронином.

Он тщательно последовал советам, данным фехтовальщиком, выполняя их в том состоянии ума, которое было у него во время чайной церемонии для своих друзей. Когда он твердо встал перед ронином и поднял свой меч, тот внезапно увидел перед собой совершенно другого человека. И он никак не мог издать крик перед нападением, потому что совершенно не знал, как ему нападать. Перед ним было совершенное воплощение бесстрашия, т.е. бессознательное. И вместо того, чтобы броситься на чайного мастера, ронин стал шаг за шагом отступать и наконец закричал: «Сдаюсь! Сдаюсь!» Бросив свой меч, он простерся перед чайным мастером, прося прощения за грубость, и быстро покинул поле сражения.

Не знаю, исторический ли это факт. Но факт, что такое мнение было распространено в то время и считалось, что одно техническое совершенство было недостаточно для успешного поединка. Необходимо было достичь состояния интуиции, которая исходит из Космического Бессознательного. Эта интуиция едина для всех видов искусств. Японцы верят, что интуиция чайного мастера или любого другого мастера — это все разновидности одного великого опыта. Они не особенно стремились дать научное обоснование вере в то, что основной опыт исходит из прозрения в Неосознаваемом, которое является, источником всех творческих потенций, всех художественных импульсов. Эта интуиция пребывает как непреложная реальность над всеми формами изменений и превращений, над океаном сансары, рождением и смертью. Дзенские учителя, наследующие свою философию от буддийских концепций шуньяты и праджни, говорят о неосознаваемом терминами жизни, т.е. рождения и смерти. Для дзенских учителей глубочайшая интуиция выходит за пределы рождения и смерти, и достигает состояния бесстрашия.

ЯМАОНА ТЭССЮ

Ямаона Тэссю (1836-1888), великий фехтовальщик и дзенский человек, тренировал своих ушников в духе дзен. Метод его в основном заключался в том, чтобы привести их в состояние полного физического и умственного изнеможения. Когда это происходило, и они уже подняться не могли от усталости, им давали определенный стимул, в результате которого выявлялись дотоле скрытые силы, новый источник энергии. Этот источник, связанный с неосознаваемым, для фехтования можно рассматривать как инстинкт самосохранения, хотя и не в его обычном физиологическом смысле. Этот инстинкт глубоко связан с нашим обычным взглядом на вещи. Этот взгляд, эта концепция, утвердившаяся в нашем сознании, функционирует в нем вместо инстинкта, хотя и со всей жизненной силой, присущей инстинкту, связанная с ним эмоциями и разными ассоциациями.

Когда же инстинкт действует один без помехи концепций, в его чистом биологическом статусе, тогда ничто не воспрепятствует его природному мужеству. Связанный концепциями, инстинкт не свободен, тогда-то и появляются страхи, опасения, и нет свободы действия. С тех пор, как в человеке пробуждается сознание, он превращается в концептуальное существо, которое руководствуется в повседневности абстрактными идеями, оторванными от жизни. Сама жизнь оказывается в сетях концепций, управляется ими. Хотя инстинкты не вполне подавлены, — они зажаты, стеснены, извращены. Впрочем, с другой стороны, такая сублимация создала нашу человеческую культуру. В области интеллекта и практического применения его, создание концепций имеет, конечно, колоссальное значение, но в других случаях оно может быть вредно. Вред этот особенно показателен в тех видах психических расстройств и внутренней неуверенности, которые поражают современных мужчин и женщин, и особенно касаются трудностей и проступков подростков. В фехтовании инстинкт должен действовать совершенно свободно и непосредственно, т.е. без всяких посредников. Как только между инстинктом и действием появляется такой посредник в виде интеллекта, предвзятых идей или концепций, сразу происходит задержка действия (суки), которой может воспользоваться противник, нанося решающий удар. Фехтовальщик обращен непосредственно к реальности, а не к концепциям. Поэтому, для тренировки фехтовальщика совершенно необходима дзенская практика, как об этом писал Одагири Итиун и Дзягю Тадзима-ноками.

Огура Масамунэ, мой друг и крупный авторитет в фехтовании, писал о том, как Ямаона Тэссю тренировал своих учеников. Огура цитирует слова одного из своих друзей, лично проходившего

тренировку, у Ямаоки:

Ямаока прилагал учение дзен к своей философии фехтования, побуждая своих учеников лично раскрыть смысл выражения «Меч немеча», основанного на дзенском понимании абсолютного единства. Ямаока при этом исходил из того, что носит название Сэйгван-гэйко. Сэйгван — буддийский термин, «обет» или «молитва», а гэйко или кэйко — это тренировка. Другое название этого — Тайтикири-гэйн (тайтикири означает «продолжать стоять») или Кацу-гэйко (ка-цу — это «число» или «множество»). Метод заключается в повторении поединков один за другим, неопределенное число раз, в основном не более сотни раз утром и столько же после обеда. Те, кто хочет через это пройти, будут отмечены учителем, но допускаются не все желающие, ибо пройти через это может лишь сильный и смелый. Когда такое разрешение дано, делается объявление. Испытание может длиться от трех дней до недели. Кожа на ладонях и пальцах может не выдержать и лопнуть, поэтому чтобы предохранить руки соревнующихся, их заматывают в мягкий шелк, а потом уже надевают перчатки. Тот, кто проходит испытание, остается, а соперники со свежими силами все время меняются, без перерыва.

В первый день тот, кто проходит испытание, обычно полон сил и энергии, на второй день он начинает чувствовать утомление, на третий — руки уже едва держат меч, сделанный из расщепленного бамбука, и ноги теряют гибкость и подвижность. Стоя перед противником, он чувствует, что уже не хозяин своим рукам и ногам, и его меч стоит вертикально. Диета у него в это время особая. Он питается полужидкой или совсем жидкой пищей, а моча у него становится красноватой.

Такой испытуемый, Кагава Дзэндзиро, которого цитирует Огура, рассказывает, что был первым, прошедшим это испытание и так описывает его:

«На третий день этих тяжелейших испытаний я никак не мог подняться с постели, и мне пришлось просить о помощи мою жену. Когда она попыталась поднять меня, у нее возникло такое чувство, будто поднимает безжизненное тело, и она бессознательно отдернула руки, которыми поддерживала мою спину. Я почувствовал на своем лице ее слезы. Тронутый до глубины души, я попросил ее не быть столь мягкосердечной и с ее помощью все-таки сумел сесть.

Чтобы дойти до зала тренировок, мне пришлось опираться на трость. Одеть мой тренировочный костюм мне тоже помогли. Я встал в позицию, и тут стали появляться мои многочисленные противники. Один из них подошел к моему учителю и попросил разрешения сразиться со мной. Учитель сразу разрешил, а я увидел, что это был наказанный ранее за нечестное поведение в бою фехтовальщик. Он даже после поражения, когда схватка была остановлена, наносил удары

по незащищенным костюмом местам. Это запрещалось правилами. Когда я увидел, что он ко мне подходит, то настроился на то, что это моя последняя схватка, потому что мне ее не пережить. Когда я так подумал, то вдруг неизвестно откуда почувствовал в себе прилив сил, будто какой-то источник во мне открылся. Ко мне пришла новая энергия, и я почувствовал себя человеком в новом качестве. Мой меч принял правильное положение, я приблизился к противнику, ощущая в себе этот неистощимый поток энергии, поднял свой меч над головой и был готов сразить противника одним ударом. Тут мой учитель крикнул, чтобы мы прекратили поединок — и я опустил меч».

Огура пишет, что далее Кагава сообщил, что Ямаока в это мгновение увидел, как его ученик пережил ощущение «Меча не-меча».

Действительно, это самое напряженное и изнурительное испытание, через которое должен пройти фехтовальщик. Длительное время занимаясь дзен, Ямаока знал, что для того, чтобы в человеке пробудилось неосознаваемое, он должен однажды умереть для обыденного сознания. Фехтовальщик — это обычно человек большой физической силы и выносливости, которая позволяет ему выдерживать многие часы тренировок, но его умение не слишком подготовлено для глубоких истин дзен. Однако, физическая тренировка должна быть лишь одним из аспектов тренировки совершенного фехтовальщика. Он должен пережить и ту «великую смерть», с которой говорят дзен-буддисты.

ГЛАВА 9

Эти исторические примеры позволяют мне сделать некоторые выводы. Если человек решил умереть и совершенно готов к смерти, т.е. мысль о смерти совершенно не приходит на ум, и он о ней не думает, тогда в человеке пробуждается некая дотоле не известная сила, которую он ощущает полностью. Эта сила позволяет совершать необыкновенные вещи. Человек, руководимый инстинктом или интуицией, сам собой начинает совершать чудеса. Эти чудеса называются «ме». «Ме» связано с инстинктом. Когда жизнь течет свободно, не по указке интеллекта, не запутываясь в сетях предвзятых связей и мыслей, сознательных соображений, тогда все происходит само собой, управляемое почти автоматически той силой, которая обеспечивает нормальную человеческую работу сложнейшего человеческого организма, его физическую деятельность.

Тогда можно спросить: если всякое живое существо инстинктивно ненавидит смерть и избегает ее, — как же можно заставить сознание решиться умереть? Верно, даже в самый последний миг, когда смерть неизбежна, мы стараемся избежать ее. Мы умираем, когда уже нет сил сопротивляться. Самоубийство — это, скорее, ненормальность. Однако, человек, совершивший самоубийство, показывает, что есть что-то более ценное, чем жизнь, в сохранении которой мы заинтересованы. Но тут снова можно спросить: «Разве мы можем разрушить ту внутреннюю жажду жизни, которая существует в нашем бессознательном? Мы ведь можем избавиться лишь от сознательной мысли о смерти!» Когда мы избавляемся от сознательного желания жизни — это не значит, что подсознательно мы будем стремиться к смерти. Низшие животные не обладают сознанием человека, т.е. сознательного стремления к жизни у них нет, но они продолжают стремиться к тому состоянию, в котором находятся. Мы люди, сознаем наше стремление к жизни, и это сознание порождает у нас многочисленные размышления и предположения о жизни и смерти. В результате мы не воспринимаем все просто, как есть, а воображаем или заблуждаемся, и разве не эти заблуждения вызывают у нас всякие страхи и тревоги, душераздирающее ожидание конца? Когда мы избавляемся от заблуждений, разве не сама жизнь позаботится о нас лучше, чем мы сами? Не так ли действует в фехтовальшике инстинкт самосохранения, находясь в полной гармонии с Природой. Освобожденная от помех, чинимых человеком, т.е. от самообманных рассуждений и размышлений, от чрезмерного вмешательства сознания, — Природа лучше справится с тем, что необходимо. Несомненно, устранить из поля сознания мысль о смерти очень трудно, но это еще не причина для того, чтобы этого не делать. Чтобы

преодолеть свои собственные и общепринятые установки, страхи и мысли о смерти, необходима твердая решимость и сильная воля. Но это серьезное намерение, это активное желание приходит, как озарение, и, тем не менее, мы знаем, что их можно культивировать. Жизнь фехтовальщика зависит от этой дисциплины. Устраняя из поля сознания свое понимание и саму мысль о смерти, фехтовальщик дает возможность неосознаваемому, бессознательному выйти в область сознательного. Тогда абсолютно ничем не обусловленный инстинкт самосохранения действует свободно, независимо от фантазий, иллюзий, интеллекта и от эмоций. Теперь инстинкт сможет свободно и легко использовать ту технику, которая сознательно изучена фехтовальщиком. То, что происходит в результате освобождения этого неосознаваемого, кажется просто чудесным и эти чудеса, обусловленные правильной психологической подготовкой, доступны совершенному фехтовальщику.

«Недвижимый ум», о котором говорят многие работы по фехтованию, — это, в каком-то смысле, то самое, о чем пишет Такуан в своем письме. Однако то, что называется умом и духом Такуана, гораздо глубже, чем ум фехтовальщика, поскольку тот останавливается на психологии, а Такуан, как дзенский учитель, смотрит в самый источник реальности, который можно назвать метафизическим или космическим бессознательным (хотя этот термин можно понять неверно, в связи с его сходством с психологическим термином). Главное в том, что интуиция, прозрение фехтовальщика ограничено. Он несет меч и стоит Лицом к лицу с противником. В сознании фехтовальщика еще присутствует сознание опасности, хотя он ее и не боится; еще действует, хоть и не осознано, инстинкт самосохранения, жажда жизни. Такой человек еще не достиг состояния абсолютной пустоты, когда его вместилище — алаявиджняна — совершенно разбито. Что касается его непосредственного занятия, тут он действует очень хорошо, но как только возвращается к повседневной жизни, возвращается и его повседневное сознание — и он опять ординарный человек, со своими обычными желаниями, привязанностями, неуверенностью.

Другим выглядит дзенский человек, хотя оба они сталкиваются с проблемой жизни и смерти, которая целиком покрывает все его существование. Если фехтовальщик не остановился в этом развитии, то далее он будет идти рука об руку с дзенским мастером по пути непреложной истины, конечной реальности. Но обычно фехтовальщик останавливается слишком рано, на инстинктивном неосознаваемом, а дзенский человек идет дальше, пока вся вселенная или скорее вся пустота мирового пространства не рассыплется на куски. Приводим пересказ Тадзима-но-ками об этой проблеме:

«Ум (кокоро) — это пустота (ку, шуньята), но из этой пустоты создается вся бесконечность действий: в руках она хватает, в ногах — ходит, в глазах — видит и т.д. Однажды этот ум нужно удержать, хотя это сделать трудно, ибо этому нельзя научиться только теоретически. Собственно, фехтование в том и состоит, чтобы пережить это. И когда это достигнуто, когда слова человека — сама искренность, его действия исходят прямо из изначального ума, свободного от всех эгоистических мыслей и побуждений. Тот ум, которым обычно пользуемся мы, загрязнен, но изначальный ум всегда чист, он — само Дао.

Я так об этом говорю, будто сам пережил это, но на самом деле я далек от того, чтобы быть настоящим даосом, Дао-человеком. Я пишу так просто потому, что вся человеческая жизнь должна быть в согласии с этим направлением Ума. И если нам не удастся так жить каждое мгновение, мы должны, по крайней мере, пытаться достичь этого в нашей профессии, в нашем искусстве».

Дзягю Тадзима-но-ками совершенно честно сознается, что он все еще не способен переживать ум, как Пустоту, в то время как свое дело фехтовальщика он знает в совершенстве. Он должен еще глубоко изучать наставления Такуана. Такуан был знаменитым учителем дзен. Может быть, он и не занимался фехтованием так, как это делали самураи, но, несомненно, умел держать в руках меч и мог постоять за себя в схватке с любым мастером фехтования, ждать долго не заставил бы никого. Сам Дзягю, должно быть, сознавал, что Такуану по-настоящему противостоять не может. Это видно из того письма о фехтовании, которое он оставил своим ученикам, а также из других источников, повествующих о встречах дзенских учителей с профессиональными фехтовальщиками.

Рукопись Одагири Итиуна, которую мы довольно долго разбираем, проливает свет на это. Я имею ввиду название его школы, которая отражает философию Махаяны и в особенности дзен-буддизма. Одагири Итиун или скорее Хария Сэкиун, который был учителем Итиуна и основателем школы, назвал ее «Меч Непребывающего Ума» (Мудзюсии-кэн). Эта фраза заимствована из Вималакирти-сутры, буддизма Махаяны, и особенно часто употребляется дзенцами. Эта сутра описывает конечный источник всех вещей как «непребывающее». «Непребывающее» или «нигде не имеющее место пребывания» означает, что этот источник всегда вне человеческого понимания, вне категорий времени и пространства. Поскольку это выходит за пределы относительного, это называют «не имеющим дома, не имеющим места пребывания», т.е. тем, к чему не приложимы никакие определения. Так и меч, которым пользуется человек этой школы, не имеет определенной формы, т.е. его пространственные характеристики неопишутемы. Встречаясь с противником, фехтовальщик этой школы владеет не

простым мечом, а мечом без формы. В результате противник не может уследить за этим мечом. Где начало и где конец этого меча? Противник не может понять, как движется такой меч, а, следовательно, и как от него защищаться. Пока он решает, что же делать,— такой меч непременно поразит раздумывающего. Противник даже не сможет опомниться, не сообразит, что же произошло, как это случилось, ибо как только он встретится с таким «мечом непробывания», он потеряет голову.

Тут читатель может спросить: «Так что же это за меч — «меч непробывания? Разве не фехтовальщик, который держит этот меч в руках, обуславливает качество?»

Букко, Учитель Нации (1226-1286), основатель монастыря Энгакудзи в Камакура, приехал в Японию по приглашению Ходзи Токимуна в 1279 году. Когда он был еще в Китае, ему однажды угрожали солдаты монгольской армии, в то время оккупировавшей Южный Китай. Не обращая внимания на его монашеский сан, они хотели его убить, когда он в одиночестве занимался медитацией. Монах, несколько не обеспокоенный этим, прочел стихотворение собственного сочинения:

*В целом мире нет места, где кто-нибудь
Мог бы поместить хоть одну палку;
Я вижу пустоту, где нет ни предметов,
ни людей.
Я люблюсь мечом великого Юаня⁴⁰
трех футов длиной.
(Когда он рубит навсегда), он подобен разрубанию
весеннего ветерка сверканием молнии.*

Меч в руках монгольских воинов ничем не отличался для дзенского монаха от дуновения весеннего ветерка. Он просто пронесся над его головой, ибо его реальное бытие, его истинное существо, наполняя всю Вселенную, всегда оставалось неизменным — ни мечи, ни любые бомбы, не смогли бы затронуть его. Впрочем, солдаты всего этого понять не могли, однако, оставили монаха в покое,— может быть, удивившись тому, что он оставался неподвижным, никак на них не реагируя.

Меч Великого Юаня, с точки зрения дзенского монаха, был «мечом непробывания», независимо от того, кто его держал,— враги или он сам. Разница между Букко и Итиуном в том, что последний сам

40 Династия Моголов (1260-1367), которая захватила Китай.

держал меч в своих руках, тогда как Букко чуть не ударили мечом. Один из них был субъектом действия, другой — объектом. Для Итиуна, или для Букко, взмахнуть мечом — как рассеять воздух или весенний ветерок.

В одном из стихотворений Фу Дайси (Фу Си, 497-569), написанных им во время правления династии Лян, говорится:

*Я держал заступ в руках и не держал его,
Я шел и ехал в то же время на водяном буйволе.*

Что же это за заступ такой, который держат и не держат? Это все тот же «меч непробывания». И садовое орудие Фу Дайси и Меч Итиуна, дающий жизнь, не отличались друг от друга. Они исходили из ума, который «Не-ум». Заступ Фу Дайси был однажды в руках Адама, когда тот еще жил в саду Эдема, а меч Итиуна — это меч в руках Акалы Недвижимого и меч Праджни в руках бодхисаттвы Манджуш-ри. Он убивает, и он дает жизнь, в зависимости от того, с каким умонастроением к нему приближаются.

Вандзян Ходзяку был одним из великих дзенских учителей Танской династии. Однажды он сказал: «Дзен подобен мечу в воздухе, не стоит и спрашивать, поразит он объект или нет. Воздух — не расщелина, меч не сломан». По другому поводу он сказал так: «В тройственном мире нет дхарм (объектов), где нам искать Ум? Четыре элемента изначально пусты, и где Будда найдет себе место? Небесная ось всегда недвижима, все спокойно и никакие слова не произнесены. Это существует у тебя прямо перед носом, и ничего тут больше не поделаешь».

Доке Ёцан (1641-1721), более известный под именем Седзю Ронина (Седзю Старый Джентльмен), был учителем Хакуина (1695-1768), одного из великих учителей Японии. Седзю Ронин однажды принимал посетителя-фехтовальщика, и тот сказал: «Я занимаюсь фехтованием с детских лет, и за двадцать лет успел изучить секреты многих школ фехтования. Теперь я хочу основать свою школу, но пока не могу понять, какой принцип положить в основу новой школы. Все мои усилия основать конечное мне не приводят к успеху. Не могли бы вы мне помочь?»

Внимательно выслушав фехтовальщика, Седзю Ронин подошел к нему и изо всех сил трижды ударил его обоими кулаками, а потом ударом ноги бросил его на землю. Конечно, это был довольно грубый прием, но он достиг цели, фехтовальщик пережил сатори. Говорят, что это переживание открыло ему новые горизонты в его искусстве.

Слух об этом посещении дошел до фехтовальщиков всей округи и они стали посещать Седзи Ронина, спрашивая его, как им объединить

дзенский опыт с их профессией. Однажды они пригласили Седзи Ронина к себе выпить чая и посмотреть на их поединки. И, наконец, они сказали ему: «Что говорить, вы великий учитель дзен, в теории вы сильны, но если дело коснется практики, если вы возьмете в руки меч, тут вам нас не победить».

Седзю Ронин ответил: «Если вам хочется ударить меня, ударьте, но боюсь, что у вас ничего не получится».

Фехтовальщики с сомнением переглянулись и сказали: «Так вы действительно разрешаете нам попробовать?»

Ронин согласился.

Они встали, намереваясь сразиться с дзенским учителем, однако Ронин отказался взять меч, сказав: «Я буддист. Вот у меня веер, пусть он и будет моим оружием. Ударьте, как только будете готовы. И если вам это удастся, я признаю вас хорошими фехтовальщиками».

Подняв мечи и издавая оглушительные крики, они пытались ударить учителя, но его веер мелькал то здесь, то там, и они никак не могли попасть в него. Их мечи все время пролетали мимо и в конце концов им пришлось признать поражение.

Позднее один монах спросил Ронина: «Насчет дзен я ничего не могу сказать, но где вы так научились владеть мечом?»

Ронин ответил: «Когда приходит истинное прозрение, когда нет никаких препятствий, истинное прозрение касается всего, включая и фехтование. Обычно люди привязаны к именам и, когда они слышат какое-то имя, какое-то название или слово, в их уме происходит различение и отделение. Обладатель истинного ока видит все в его собственном свете. Когда он видит меч, то сразу знает, как с ним обращаться. Он противостоит множеству вещей и не путается».

Такэно Сигэеси (ныне восьмидесяти лет) один из величайших фехтовальщиков современной Японии, в недавно написанном им трактате о «Бамбуковом мече» говорит о психологии фехтования.

«Когда выбранный мной бамбуковый меч больше всего подходит мне по весу, форме и т. д., тогда легче всего достигается состояние единства меча и моего тела. Само собой разумеется, что лелеять мысль о борьбе или победе, или демонстрировать свое искусство, — это погибель для фехтовальщика. Но когда вы избавились от этих мыслей, как и от мысли о своем теле, вот тогда может быть достигнуто настоящее единство. Тогда ваш меч — это вы, а вы — это ваш меч и между вами нет различия. Это называется психологией муга (или не-эго, не-ума). Это, видимо, соответствует тому, что в буддизме называют состоянием пустоты. В этом состоянии все мысли и чувства, которые могут препятствовать свободному владению обретенной техникой, устранены, и человек возвращается к тому «изначальному уму», который управляет деятельностью его организма.

Иногда мне кажется, что-то же происходит и с мастером-кукольником, когда он всецело поглощен своей работой. Он тогда тоже не проводит различия между собой и куклой, которую держит. Игра тогда в действительности становится искусством, когда художник забывает о себе и погружается в состояние пустоты. Некоторым кажется, что все-таки фехтование дело совсем иное, потому что перед ним живой человек, который только и ждет момента, чтобы нанести удар, но я так не думаю. По-моему, если фехтовальщик и кукольник пережили состояние идентификации, единства, то большого значения не имеет, с чем они работают.

Когда единство осознано, я, как фехтовальщик, не вижу перед собой никакого противника, который пытается меня ударить. Я сливаюсь с противником, каждое его движение, каждую его мысль я слушаю, как свои. Я интуитивно, бессознательно знаю, как его ударить. Это все так естественно».

Мастер Такэно верно описывает ум фехтовальщика, когда он встречается с противником. Пока он сознает, что стоит перед противником и старается правильно использовать технику, которой научился, — он еще не совершенный фехтовальщик. Он должен забыть, что у него есть тело, называемое Такэно, и что тело его держит меч, и что он противостоит другому отдельному телу. Во время поединка у него нет ни тела, ни меча. Это, однако, не значит, что все совершенно исчезло, потому что некто действует, активно передвигается, мыслит. Это некто — господин Такэно и другие фехтовальщики. Такой ум даосские и буддийские философы называют следующими именами: изначальный ум (хонсин), или ум младенца (акаго но кокоро), истинный или совершенный человек (синдзин), изначальное лицо (хонрай мо мэmmoку).

Эта чудесная «несуществующая» сущность «думает и действует», не думая и не действуя. Согласно господину Такэно, оно воспринимает все мысли, которые рождаются в уме противника, как свои собственные и «он» действует адекватно. «Он» в этом случае не он, но и не «не-он». Когда этот «не-он» падает, он не знает, кто упал — «он» или «не-он». Когда все конечно, «изначальный ум» возвращается обратно к самому себе, т.е. к своему собственному сознанию. Это есть пробуждение «одной мысли», т.е. отделение света от тьмы (итинен), субъекта от объекта, возникновение двойственного мира. Ашвагхоша, автор «Пробуждения веры», называет это «внезапным пробуждением мысли». Это та ситуация, в которой господин Тадзима или Такэно обнаруживают себя стоящими перед поверженным, так называемым «врагом».

Стихотворение Эмерсона «Брама» хорошо иллюстрирует психологию совершенного фехтовальщика:

*Если кровавый убийца думает, что он убивает,
Или убитый думает, что убит,
Они не знают неуловимых путей.
Я сохраняюсь и ухожу, и возвращаюсь опять.
Далекий или забытый для меня близок,
Тень и солнечный свет — одно,
Исчезнувшие боги ко мне приближаются,
И одно для меня хула и слава.
Болезнью заплатят те, кто меня отпускает,
Когда мною летят, я сами крылья,
Я сомневающийся и сомнение,
И я гимн, что поют брамины.
Могучие боги тоскуют о моем прибежище,
И тоскует напрасно священное Семь,
Но и ты, смиренно любящий добро!
Найди меня и вернись на небо.*

Господь творит мир, и Он же восклицает: «Это хорошо». Господь не совершил ни моральных, ни аморальных поступков. Это просто «благо добра». Эту «благодать» вещей японский дзен и синто называют соно-мама.

Заслуживает интереса следующий перефразированный пассаж из Чжуан-Цзы «Понимающий сущность жизни»:

Сунь Изгой пришел к воротам учителя Бяня Счастливого и, смущенно вздыхая, сказал:

— Я, Изгой, жил в селении, и не случилось, чтобы меня называли ленивым, чтобы в опасный момент называли трусом. Но вот на полях не было урожая, а на службе царю я не встретил удачи. Меня изгнали из селения и из области. Но в чем мое преступление? О, небо! За что досталась судьба изгоя?!

— Разве ты не знаешь о поведении настоящего человека? — сказал Бянь Счастливый. — Он забывает о своей смелости, забывает о зрении и слухе, бесцельно блуждает за пределами мирской пыли в беспредельном, не занимаясь делами. Это называется действовать, но не настаивать; быть старшим, но не управлять. А ты ныне приукрашиваешь свои познания, чтобы удивить невежд, очищаешься сам, чтобы осветить грязь других: сверкаешь, будто поднимаешь солнце и луну. Ведь в сравнении со многими, слепыми, глухими и хромыми, безвременно погибшими — ты, обрел крепость своего тела, всех его девяти отверстий. Это уже счастье! Зачем же попусту ропщешь на небо? Уходи!»

Следует заметить, что японские фехтовальщики никогда не думают о

защите, а только о нападении. И особенно ясно писал об этом Одагири Итиун, который наставлял своих учеников встречать противника с мыслью об ай-ути, т.е. взаимном убийстве. Это тактика нападения, а не защиты, характерна для японцев. Может быть с этим связано то, что японцы держат меч двумя руками, ничего для защиты не оставляя. Не знаю, с какого времени японским мечом пользуются именно так. У него длинная ручка, чтобы братья двумя руками и наносить удар со всей силой, который есть у человека.

Всегда нападать, быть в едином стремлении поразить противника, не взирая ни на какие обстоятельства, забыв о собственной безопасности, ни секунды не думая о страхе и смерти. Если такая мысль возникает хоть на мгновение, тогда инстинкт самосохранения вмешается в устремления человека. Единство будет нарушено, и это приведет к плачевным результатам. Проблема смерти должна с самого начала быть проблемой. Только бесстрашие, как говорит Дзягю Тадзима-но-ками, может помочь воину выйти из схватки живым. Когда фехтовальщик встал перед противником и поднял меч, он должен отождествлять себя со своим мечом и дать ему действовать по его воле. С психологической точки зрения здесь меч символизирует неосознаваемое в фехтовальщике. В этом случае он двигается, как автомат. Он больше не он. Он отдается тому течению, тому влиянию, которое вне его обычной жизни, но на самом деле это его собственное, глубоко похороненное в нем бессознательное, чье присутствие он раньше не осознавал. Но мы должны помнить, что совсем нелегко осознать это состояние ума, что для этого необходимо пройти суровую дисциплину, нравственную и духовную. Как говорит Итиун, совершенный фехтовальщик должен быть и совершенным человеком, он должен быть величайшим не только в своей профессии, но и везде. Настоящий фехтовальщик не должен думать о том, как бы ему продемонстрировать свое искусство убивать. Стычка Умэдзу с Тода Сэйгэном дает нам прекрасный пример печальной судьбы, которая ожидает несовершенную личность, и показывает, что меч — это символ духовности, а не орудие слепого убийства.

Фехтовальщик, по прозвищу Умэдзу, живший в начале семнадцатого столетия, был известен своим мастерством и высоко себя ставил. Когда он услышал, что приехал Тода Сэйгэн в Мино, где Умэдзу преподавал фехтование, то он решил испробовать на нем свое искусство. Однако Сэйгэн вовсе не собирался принять вызов. Он сказал: «Мечом пользуются тогда, когда нужно наказать преступника или в дело замешана честь. Мы не преступники и нам не нужно решать вопросы чести. Зачем же нам устраивать поединки?» Умэдзу принял это за попытку противника, сознающего, свою слабость, уклониться от встречи. Он стал еще более самонадеянным и

высокомерно рассказывал направо и налево о происшедшем.

Саито Еситану, правитель Мино, услышал о вызове и заинтересовавшись исходом поединка, послал двух своих вассалов просить Сэйгэна принять вызов. Но Сэйгэн не ответил. Просьба правителя была повторена трижды. Не имея возможности отказывать далее, Сэйгэн был вынужден согласиться. Избрали судью, время и место поединка.

Умэдзу отнесся к делу серьезно. Три дня и две ночи он провел, совершая ритуал очищения. Кто-то стал советовать Сэйгэну, чтобы и тот последовал его примеру. Но Сэйгэн отказался и объяснил это так: «Я всегда культивировал сердце искренности, а оно не даруется богами по особым случаям. Я никого не хочу задевать или ранить. Я принял вызов лишь потому, что неблагоприятно было отказывать правителю провинции, которой так настоятельно просил меня».

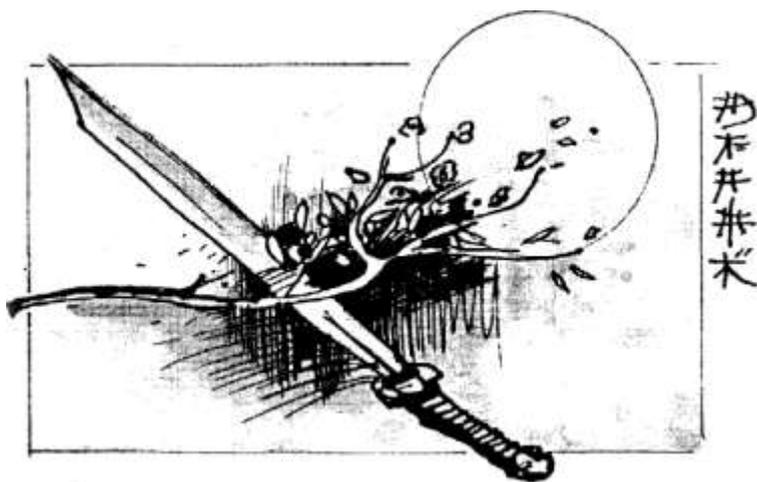
Когда настал день поединка, оба фехтовальщика пришли на условленное место. Вслед за Умэдзу шли его многочисленные ученики. В руках Умэдзу был деревянный меч длиной три фута, шесть дюймов, а у Сэйгэна был короткий меч всего фут и три дюйма. Умэдзу попросил у судьи взять настоящий меч. Это передали и Сэйгэну, но он сказал, что если Умэдзу хочет настоящий меч, то пусть берет, это его дело, а сам он останется со своим коротким деревянным мечом. Судья решил, что оба противника должны сражаться деревянными мечами, а длину пусть сами выбирают, какая кому нравится.

Теперь оба были готовы. Умэдзу со своим длинным мечом вел себя, как свирепый лев, готовясь сразить противника одним ударом. Сэйгэн смотрел на него совершенно невозмутимо и выглядел как кошка, которая будто дремлет, а сама собирается поймать крысу. Так они некоторое время смотрели друг на друга. И тут вдруг Сэйгэн издал крик и ударил своим коротким мечом Умэдзу по шее. От удара выступила кровь. Прийдя в ярость, Умэдзу изо всей силы размахнулся своим длинным мечом, желая мгновенно уничтожить противника. Но прежде чем он это успел сделать, Сэйгэн уже нанес удар по правой руке, и Умэдзу сразу выронил оружие. Сэйгэн ударом ноги разломал его меч на две части. Тогда Умэдзу схватился за меч, который висел у него на поясе, но рука не слушалась, и он упал на землю.

Позднее один из наблюдателей сообщал: «Действия Сэйгэна были похожи на раскалывание бамбука — все так легко, так четко и ясно, и так безразлично». И так «беспрепятственно» — могли бы добавить буддисты секты Кэгон.

Сэйгэн был не просто фехтовальщик, он был «совершенный человек», по определению Чжуан-цзы, который в огне не горит и в воде не тонет. А Умэдзу был полной его противоположностью. Он ничего не знал о нравственной стороне своего искусства, а ведь это главное. Его

эгоизм и гордыня были просто безграничны. Он думал, что его самоуверенная агрессивность в сочетании с техническим совершенством делают его настоящим фехтовальщиком. Он никогда не сознавал, что стоит за атакующим стилем японского фехтовальщика помимо спортивного стремления к победе. Он не понимал, что это стремление выиграть или проиграть должно быть совершенно забыто, и проблема жизни и смерти не должна волновать фехтовальщика ни теоретически, ни практически. Итиун и Тадзима-но-ками подчеркивают важность дзенской тренировки фехтовальщиков, чтобы те смогли выйти за пределы техники.

ГЛАВА 10

В связи с фехтованием стоит упомянуть еще такой феномен, который может вызвать интерес у психологов. Это нечто вроде телепатии или способности ума, которая развивается у некоторых фехтовальщиков. Говорят, что у Дзягю Тадзима-но-ками было это «шестое» чувство. По-моему, это исходит из какого-то более глубокого источника, и его нельзя квалифицировать, как некое ненормальное или экстраординарное явление.

Согласно автору книги Гэккен Содаы, Тадзима-но-ками прекрасным весенним утром прогуливался в своем саду, полностью поглощенный созерцанием расцветающих слив. За ним шел мальчик-оруженосец, который нёс его меч. «Как ни искусен в фехтовании мой господин,— подумал мальчик, — а сейчас, когда он так увлечен созерцанием, его ничего не стоит атаковать». Тадзима резко обернулся и оглянулся вокруг, как бы ища кого-то. Никого не увидев, он вернулся в комнату. Облокотившись на стол, он некоторое время стоял неподвижно, глядя по сторонам, как будто сошел с ума. Увидев это, его слуга испугался и даже побоялся к нему подойти. Наконец он спросил господина, здоров ли тот и не может ли он ему чем-либо помочь. Тадзима ответил: «Я вполне здоров и чувствую себя хорошо. Меня беспокоит одно происшествие, которое я никак не могу объяснить. Благодаря длительной тренировке в фехтовании я могу чувствовать мысли тех, кто стоит против меня или находится неподалеку. Когда я был в саду, я вдруг ощутил смертоносных духов. Я оглянулся, но кроме моего мальчика-оруженосца, поблизости никого не было. Я не могу сообразить, откуда же взялся этот запах смерти. Я очень расстроен, что стал таким рассеянным».

Услышав об этом, оруженосец признался ему в своей мысли и попросил прощения. Это вполне удовлетворило Тадзима-но-ками, и он сказал: «Ну, тогда все ясно».

Следующая история об уме животных весьма примечательна. Если бы провести эксперименты, мы бы узнали много об инстинктах обезьян. Мы, люди, утратили большинство инстинктов, которыми обладают так называемые низшие животные, и нам может показаться, что нижеследующая история вымышлена. Она тоже касается Дзягю Тадзима-но-ками.

У него были две ручные обезьянки, которые привыкли смотреть на тренировки его учеников. Поскольку обезьянки очень любят подражать и обладают в этой области очень большими способностями, они овладели мечом и даже стали специалистами. Когда один ронин, друг их господина, хотел померяться с ним силами на копьях, тот ответил ему, что прежде пусть попробует свои силы с обезьянами. Ронин

очень обиделся, решив, что его унизили, но все-таки взял в руки копьё, а обезьяна — бамбуковый меч. Ронин бросился на обезьяну и сделал копьём выпад, но обезьяна увернулась и стукнула его. Ронин сделал копьём защитное движение, но это ему не помогло, обезьяна уже прыгнула к нему и схватила за древко. Фехтовальщику пришлось признать поражение.

Когда он со стыдом вернулся к хозяину, Тадзима-но-ками заметил: «Я был уверен, что против обезьяны тебе не выстоять». Ронин больше не ходил к Тадзима-но-ками. Прошло полгода, и ронин снова решил испытать силы с обезьяной. Тадзима-но-ками сказал ему, что теперь обезьяна не может ему противостоять. Ронин, однако, настаивал. Привели обезьяну, но когда они стали с оружием друг против друга, обезьяна свое оружие бросила и с криком убежала. Тадзима-но-ками заключил: «Разве я не был прав?» Позднее он рекомендовал этого ронина другому господину, и тот взял его к себе на службу.